

На правах рукописи

ТИМОШИНА
Елена Владимировна

ТЕОРИЯ И СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА Л. И. ПЕТРАЖИЦКОГО
В КОНТЕКСТЕ КЛАССИЧЕСКОГО И ПОСТКЛАССИЧЕСКОГО
ПРАВООПОНИМАНИЯ

Специальность 12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Москва
2013

Диссертация выполнена на кафедре теории и истории государства и права
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский государственный университет».

Официальные оппоненты:

Доктор юридических наук, профессор,
советник Конституционного Суда Российской Федерации
КОВЛЕР АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ

Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории государства и права
Московского университета МВД России
МАЛАХОВ ВАЛЕРИЙ ПЕТРОВИЧ

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
ЧЕСТНОВ ИЛЬЯ ЛЬВОВИЧ

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

Защита состоится «_1_» __октября__ 2013 г. в _12_ часов _00_ минут на заседании диссертационного совета Д 002.002.07 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте государства и права Российской академии наук, по адресу: 119019, Москва, ул. Знаменка, д. 10.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института государства и права Российской академии наук.

Автореферат разослан «___» _____ 2013 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета Д 002.002.07
кандидат юридических наук, профессор

Н. Н. Ефремова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В основе данной работы лежит принципиальное убеждение автора в том, что история науки составляет конститутивный момент актуального научного знания, а теория права, используя выражение Л. И. Петражицкого, направленное против звучавших уже тогда призывов к «огораживанию» ее предметного «пространства» и ориентации на нужды «практики», есть одна из глав «единой Науки».¹ Российская теория права оказалась сегодня под двойным ударом. *С одной стороны*, приоритет «эффективности», «практической полезности», «успешности» в качестве «понятных» критериев научного знания провоцирует дискредитацию теоретического правоведения как не удовлетворяющей нуждам «практики» и тем самым избыточной науки. *С другой стороны*, заявляющее о себе в связи с этим требование дисциплинарной «чистоты» теоретико-правового знания, которая достигалась бы принудительным разрывом «порочащих» его связей с другими социально-гуманитарными науками и философией, создает для теории права опасность самоизоляции и тем самым консервации, несовместимой с основной интенцией науки на рост нового знания, обеспечиваемый в том числе междисциплинарными практиками.

Важнейшей характеристикой контекста сегодняшних теоретико-правовых размышлений является диагностированный Г. Дж. Берманом «кризис самого права»: такие убеждения и постулаты, пишет ученый, «как структурное единство права, его продолжающийся характер, его религиозные корни, его трансцендентные качества, стремительно исчезают...». Однако именно в ситуации кризиса, когда «право становится более фрагментированным», «нам требуется более широкий взгляд (курсив мой. – Е. Т.)»,² который делает возможным целостная – фундаментальная и вместе с тем имеющая прикладное значение – теория права, представляющая собой, *с одной стороны*, инструмент рационального и одновременно ценностно обусловленного выбора и принятия решения в проблемной юридической ситуации, *с другой стороны*, – современную юридическую науку, осознающую себя в качестве части, или «главы», *современного* социально-гуманитарного знания. В конечном счете необходимая «широта» и вместе с тем практичность теоретического «взгляда» на право состоит в том, что он позволяет «видеть связь между... конкретным фактом и зданием всей вселенной».³

Актуальная идея взаимодополнительности теоретического и прикладного знания – теории права и политики права – лежит в основании философско-правового замысла Л. И. Петражицкого. Реализация проекта правовой политики как прикладной юридической науки, призванной, по его убеждению, содействовать совершающемуся в истории – при помощи права – этическому прогрессу, привела ученого к осознанию того, что без прочного теоретико-методологического фундамента ее практические рекомендации окажутся висящими в воздухе конструкциями. Из необходимости решения прикладных задач правовой политики вырастает целостная философско-правовая программа Л. И. Петражицкого: он последовательно развивает концепцию правовой мотивации, в которой раскрываются «механизмы» мотивационного и педагогического действия права; обращается к разработке логических и методологических оснований социогуманитарного знания и выстраивает в соответствии с ними собственную теорию права и морали как двух «ветвей» этики; с целью раскрыть «загадочную целенаправленность» исторически наблюдаемого эволюционного развития культуры работает над созданием общей социологии как универсальной теории общественных процессов и социологии права как ее части.

Характеризуемая единством замысла философия права Л. И. Петражицкого – по оценке П. А. Сорокина, «вероятно, самого великого ученого в области морали и права двадцатого столетия»⁴ –

¹ *Петражицкий Л. И.* Университет и наука. В 2 т. СПб., 1907. Т. 2. С. 465.

² *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 53, 17. – Подробнее об этом см.: *Графский В. Г., Тимошина Е. В.* О книге Гарольда Бермана «Вера и закон: примирение права и религии» // Право и политика. 2001. № 5. С. 138–147.

³ Высказывание О. У. Холмса-мл. (цит. по: *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. С. 17).

⁴ *Сорокин П. А.* Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992. С. 30.

привлекала к себе внимание сторонников различных направлений на всем протяжении XX в. Представитель возрожденного естественного права Г. Радбрух пропагандировал тезис ученого об императивно-атрибутивном характере права; глава социологической (гарвардской) школы права Р. Паунд признавался, что он «многому научился у Петражицкого»; в связи с проблемой теоретического обоснования социологии права идеи ученого обсуждал представитель скандинавского правового реализма К. Оливекрона; аргумент Л. И. Петражицкого о бесконечном регрессе санкций комментировали Г. Кельзен и Г. Харт; представитель естественно-правового подхода Дж. Финнис и автор институциональной теории права Н. МакКормик посвятили памяти правоведа свои публичные лекции (2003). В начале XXI в. в работах как российских (В. В. Лапаевой, В. П. Малахова и др.), так и зарубежных (Р. Коттерелла, Р. Банакара, А. Тревино, М. Дефлема и др.) ученых Л. И. Петражицкий получил признание как классик или предтеча социологии права, его имя вписывается также в ретроспективу антропологии права (А. И. Ковлер). Труды ученого продолжают переиздаваться как в России, так и за рубежом, его теоретическое наследие становится специальной темой международных конференций или организуемых в их рамках секционных заседаний. На основе его концепции правовой политики украинский исследователь А. Мережко разрабатывает концепцию политики международного права, некоторые аспекты теории Л. И. Петражицкого являются одним из источников коммуникативной теории права А. В. Полякова, близкую идеям ученого концепцию нормативности развивает итальянский правовед Э. Паттаро. Многие положения теории права Л. И. Петражицкого, в частности, обозначение ученым этической перспективы развития права, признание «социально-служебного» характера публичной власти ее конститутивным признаком, интерпретация в рамках школы Л. И. Петражицкого глобализационных процессов как выражения закономерной тенденции в социокультурной эволюции права и другие идеи ученого, в том числе развитые в рамках его эпистемологических исследований, не утратили актуальности спустя столетие с тех пор, как они были обоснованы.

Одна из возможных причин устойчивого исследовательского интереса к творческому наследию Л. И. Петражицкого состоит в том, что его теория права, в рамках которой реальность права интерпретировалась как имеющая конституированный характер – продукт сложных, опосредуемых языком эмоционально-интеллектуальных мотивационных процессов в сознании субъекта, предлагала образ права, радикально отличавшийся от современных ему представлений, укладывавшихся в рамки стилевых особенностей классического правопонимания. Ученый не считал возможным мыслить право как отчужденный от субъекта феномен, никак не связанный с конструктивной активностью его сознания. Его критический анализ выявлял в современных ему правовых концепциях и в трактовках ими основных категорий юриспруденции (нормы права, субъекта права, субъективного права и правовой обязанности и др.) именно те черты, которые составляют типологические особенности классического стиля философско-правового мышления.

В связи с этим при исследовании актуальной части философско-правового наследия Л. И. Петражицкого представляется важным учесть мнение Г. Д. Гурвича о том, что «Л. И. Петражицкий принадлежит к числу тех первостепенных мыслителей, чьи новаторские идеи настолько опережали свою эпоху, что их истинное значение выявляется лишь спустя определенный промежуток времени», поэтому, полагал он, философия права ученого «может быть оценена во всем своем значении только в перспективе глубоких изменений, характерных для современной философской и юридической мысли».⁵ Именно в контексте произошедших в XX в. глубоких трансформаций в способах интерпретации бытия права и методологических подходах к его исследованию, что является основанием типологии правопонимания на классическое и постклассическое, видится возможность как актуализа-

⁵ Гурвич Г. Д. Юридический опыт и плюралистическая философия права // Гурвич Г. Д. Философия и социология права. Избр. соч. / пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. СПб., 2004. С. 339.

ции эпистемологических, теоретико-правовых и социолого-правовых идей ученого, так и уяснения их значения в генезисе современного, постклассического, правопонимания.

Степень разработанности темы. При подготовке издания избранных трудов Л. И. Петражицкого диссертантом при участии профессора, заведующего кафедрой социологии права Варшавского университета А. Койдера была составлена библиография исследований его творчества, которая охватывала период с 1892 по 2009 г. и включала более 1100 исследований на русском, польском, немецком, английском, итальянском, сербском и др. языках. Более чем вековая история освоения теоретического наследия Л. И. Петражицкого представляет собой интересный сюжет истории науки и могла бы составить предмет отдельного исследования, так как она показывает как с течением времени, в связи с развитием новых научных направлений и в зависимости от той теоретической позиции, которую занимал исследователь, менялось, подчас радикально, восприятие идей ученого. В этом по необходимости кратком обзоре представлены основные традиции в интерпретации его творчества и тематические направления исследований, анализируемые диссертантом в соответствующих частях работы.

Выход в свет в Германии в 1892–1895 гг. цивилистических трудов молодого ученого привлек к ним внимание со стороны многих немецких цивилистов и экономистов (в их числе были О. Гирке, Г. Дернбург, Р. Зом, Р. Леонард, А. Лобе, Ф. Лотмар, Р. Мейер, Э. Цительман, Й. Шей, Ф. Эндеман, П. Эртман и др.), которые откликнулись на них рецензиями или представили полемические либо сочувственные отзывы в рамках общих работ. Одним из главных предметов обсуждения стали выдвинутая Л. И. Петражицким концепция «цивильной политики» (*Civilpolitik*) и опыт критического, обусловленного соображениями политики права, анализа ученым проекта Германского гражданского уложения. К концепции политики гражданского права Л. И. Петражицкого в связи с направлением экономического анализа права обращаются в настоящее время Т. Гьяро, А. Плисецкая, Э. Фиттипальди; в связи с анализом методологии судебного толкования – А. Г. Карапетов.

В русской философии права начала XX в., прежде всего в работах Б. А. Кистяковского, П. И. Новгородцева, В. Поппе, Е. В. Спекторского, Е. Н. Трубецкого, Б. Н. Чичерина и др., сформировался своего рода канон интерпретации теории права Л. И. Петражицкого как основанной на методологии философского позитивизма, в частности эмпириокритицизма, и произвольно ограничившей бытие права рамками индивидуальной психической жизни. Данную позицию впоследствии разделяли как зарубежные, так и российские ученые, в частности К. Баум, Е. Врублевский, В. Д. Зорькин, В. В. Лапаева, Г. В. Мальцев, Л. И. Спиридонов и др. Вместе с тем в литературе «русского зарубежья», в работах Н. Н. Алексеева, Б. П. Вышеславцева, Г. Д. Гурвича, опиравшихся на феноменологический метод в собственных исследованиях, получает обоснование феноменологическая интерпретация теории права Л. И. Петражицкого; впоследствии такое истолкование его правовой концепции было поддержано Г. А. Нанейшвили, А. Валицким, А. В. Поляковым и др.

Особый вклад в изучение и актуализацию теоретического наследия внесли петербургские ученики Л. И. Петражицкого – Г. К. Гинс, Г. Д. Гурвич, М. Лазерсон, Г. А. Нанейшвили, П. А. Сорокин, Н. С. Тимашев, каждый из которых посвятил его творчеству отдельное исследование. Можно утверждать, что трудами Л. И. Петражицкого и его учеников, работы которых, в частности, демонстрируют возможности развития правовой теории ученого в социологическом и феноменологическом направлении, была создана узнаваемая философско-правовая традиция, основополагающие идеи которой входят в корпус значимых положений современной философии права.

В период между двумя войнами сформировалась польская школа Л. И. Петражицкого во главе с Е. Ланде, благодаря которому в послевоенной Польше, несмотря на идеологический запрет, идеи ученого были постоянным предметом научных исследований. Как отмечает современный исследователь его творчества К. Мотыка, польские ученики Л. И. Петражицкого – Г. Лангрод, Я. Горецкий, К. Опалек, Г. Пентка, А. Подгурецкий, А. Валицкий, Е. Врублевский и др., а затем А. Койдер,

Е. Квасьневский, Я. Курщевский, К. Палецкий и др. – за последние полвека сыграли роль, подобную той, которую в свое время выполнили российские ученики Л. И. Петражицкого, способствовав распространению теории своего учителя за пределы польской науки. Благодаря публикации Е. Фикелькраутом (Лицким) некоторых рукописей Л. И. Петражицкого варшавского периода предметом изучения польских ученых становятся его науковедческие и логические исследования, которым посвящены, в частности, работы А. Бирнат, Я. Воленьского, Т. Квятковского, Т. Котарбиньского, И. Лазарь-Павловской и др. Одним из основных направлений актуализации идей Л. И. Петражицкого в польской науке стала политика права, которая традиционно разрабатывалась в качестве части социологии права; данное направление исследований в разное время развивали М. Боручка-Арктова, Е. Квасьневский, Е. Ковальский, А. Койдер, Е. Лицкий, К. Опалек, А. Подгурецкий, С. Чепита и др. Концепция правовой политики составила предмет фундаментального исследования сербского ученого Т. Подгораца (1983). Теоретико-правовые взгляды Л. И. Петражицкого получили освещение в работах А. Валицкого, Е. Врублевского, Ч. Знамеровского, Е. Зайковского, Е. Ковальского, К. Мотыки, К. Опалека, М. Оссовской, А. Печеника, А. Радзинского и др.

Для англоязычного научного сообщества некоторые идеи Л. И. Петражицкого были доступны благодаря исследованиям А. Мейендорфа (1933), Х. В. Бабба (1937–1938), К. Оливекроны (1948), П. А. Сорокина (1928, 1947), Н. С. Тимашева (1939), М. Лазерсона (1951), а во второй половине XX в. благодаря работам польских ученых – К. Опалека (1961), А. Валицкого (1967), А. Подгурецкого (1981), Р. Шадурской (1987), Е. Врублевского (1993) и др. Публикация в 1955 г. английского перевода избранных трудов Л. И. Петражицкого с предисловием Н. С. Тимашева сделала возможным непосредственное знакомство англоязычной аудитории с теоретическим наследием ученого. В ведущих американских юридических и социологических журналах появилось более двадцати рецензий и обзоров данного издания. В течение последующих лет появились статья М. Клиффорд-Воган и М. Скотфорд-Мортон (1967), посвященная сопоставлению идей Л. И. Петражицкого со взглядами В. Парето и Э. Дюркгейма; обширный обзор теории права ученого, подготовленный Г. Лангродом и М. Воган (1970); работы американских социологов Н. К. Дензина и Г. М. Джонсона (1975), представляющих соответственно направления символического интеракционизма и структурного функционализма и полагавших возможным рассматривать Л. И. Петражицкого как предшественника соответствующих школ; статья итальянских логиков Р. Поли и М. Либарди (1998), в которой ставилась проблема влияния логических исследований ученого на виднейшего логика Львовско-Варшавской школы Ст. Лесневского; в настоящее время логико-лингвистические аспекты его теории права рассматриваются в трудах Э. Фиттипальди (2012). В последнее десятилетие в работах Р. Банакара, Р. Коттерелла, Ж. А. Тревино уделяется внимание социолого-правовым идеям Л. И. Петражицкого, при этом если последний в предисловии ко второму изданию английского перевода трудов ученого (2011) обозначает возможность сопоставления его метода интроспекции с методом понимающей социологии М. Вебера, то Р. Банакар (2009) находит связь идей ученого с эмпирическими интерпретациями социологии права, в частности, с социологией права О. Эрлиха. Столь же антиномичное восприятие теории права Л. И. Петражицкого характерно в связи с ее сопоставлением с американским правовым реализмом: так, А. Н. Шитов (2001), развивающий психологическую теорию естественного права, а до него Е. Зайковский (1936), усматривают между ними существенную концептуальное сходство, в то время как А. Печеник (1975) полагал, что идеи ученого не могут быть идентифицированы с позицией правового реализма, но адаптируемы к «постреализму», развиваемому самим А. Печеником.

По справедливому замечанию С. А. Пяткиной (2000), в советской научной литературе переломным моментом в отношении к идеям Л. И. Петражицкого и его учеников стало фундаментальное исследование В. А. Туманова (1971). Теория права Л. И. Петражицкого рассматривалась в контексте позитивистской теории права в монографии В. В. Зорькина (1978). Значимым событием в постсоветской

юриспруденции стала докторская диссертация С. А. Пяткиной (1994), однако известная ограниченность данного исследования, как и последующих работ о Л. И. Петражицком, связана с тем, что за пределами внимания исследователей по-прежнему оставались работы ученого варшавского периода, вовлечение которых в научный оборот осознавалось диссертантом как необходимое условие дальнейшего продвижения в изучении его теоретического наследия. В 2010 г. диссертантом были осуществлено комментированное издание избранных трудов Л. И. Петражицкого (1104 с.), в которое вошли все наиболее значимые работы ученого, написанные им в Польше.

Зафиксированная в многообразии подчас взаимоисключающих исследовательских интерпретаций «многоликость» Л. И. Петражицкого является свидетельством того, что его идеи, составляя классическое наследие мировой правовой мысли, обладают неисчерпанными до сих пор ресурсами актуализации. Несмотря на глубокое освоение учеными различных аспектов его творчества, работы, которые соответствовали бы авторскому замыслу – исследовать теорию и социологию права Л. И. Петражицкого, «поместив» их в контекст классического и постклассического правопонимания, обосновав и продемонстрировав познавательные возможности такого метода концептуализации истории правовой мысли, – отсутствуют. Вместе с тем в методологическом плане отправным пунктом исследования стали работы А. В. Полякова, показывающие, в частности, возможности актуализации наследия Л. И. Петражицкого в современной теории права, и И. Л. Честнова, в которых аргументируется в том числе тезис о том, что в современном теоретико-правовом дискурсе «основным размежеванием» является не противостояние юридического позитивизма, юснатурализма и социологии права, а разграничение классического и постклассического правопонимания.⁶

В соответствии с методологией данного диссертационного исследования его **объектом** являются тексты, составляющие источниковую и теоретико-методологическую основы исследования, отобранные диссертантом исходя из предварительной исследовательской гипотезы об эвристической ценности исследования теории и социологии права Л. И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания. На основе их интерпретации конституируется **предмет** исследования – актуализированная часть теоретико-правового и социолого-правового наследия Л. И. Петражицкого, включаемая диссертантом в современный теоретико-правовой дискурс.

Целью исследования являются проблемно-теоретическая реконструкция и интерпретация теории и социологии права Л. И. Петражицкого в контексте типологических особенностей классического и постклассического правопонимания. **Задачи исследования**, решение которых потребовалось в связи с реализацией поставленной цели, можно разделить на

1) **методологические:**

– обоснование и использование познавательных возможностей методологического подхода, позволяющего типологизировать правовые учения как принадлежащие к классическому либо постклассическому правопониманию, что предполагает:

– разработку оснований типологии классического и постклассического правопонимания и доказательство ее теоретико-методологического значения;

– обобщающую реконструкцию типологических особенностей классического и постклассического правопонимания;

– выявление в теоретическом наследии Л. И. Петражицкого комплекса идей, позволяющих интерпретировать теорию и социологию права ученого как соответствующих типологическим особенностям классического либо постклассического правопонимания;

⁶ См., напр., обобщающие работы последних лет: *Поляков А. В.* Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права // *Российский ежегодник теории права.* № 1. 2008. СПб. 2009. С. 9–42; *Честнов И. Л.* Постклассическая теория права. СПб., 2012. 652 с.

2) *теоретические*:

– исследование – на основе введенных диссертантом в научный оборот трудов Л. И. Петражицкого варшавского периода – обоснованной ученым концепции научного знания, включающей вопросы предметного разграничения юридических наук и соотношения теоретического и прикладного юридического знания, и ее контекстуальный анализ в связи с основными направлениями классической и постклассической философии науки;

– реконструкция разработанных Л. И. Петражицким эпистемологических оснований теории права и их интерпретация в контексте типологических особенностей классического и постклассического социогуманитарного знания и актуальных методологических проблем современной теории права;

– выявление основных характеристик онтологии права в интерпретации Л. И. Петражицким и их контекстуальный анализ в связи с типологическими особенностями классической и постклассической правовой онтологии;

– реконструкция – в том числе на основе введенных диссертантом в научный оборот исследований ученого варшавского периода – социологии права Л. И. Петражицкого и ее интерпретация в контексте основных направлений классической и постклассической социологии;

– выявление комплекса актуальных идей, получивших обоснование в рамках школы Л. И. Петражицкого и характеризующих ее как самостоятельное направление в истории правовой мысли.

Методологические основы исследования. В диссертации используется *метод интерпретации*, (включающий *метод проблемно-теоретической реконструкции*), – основной метод исследования истории правовых идей, познавательные возможности которого в российской юридической науке были обоснованы Д. И. Луковской. Сущность данного метода раскрывается в следующих основных положениях: 1) текст – первичная реальность гуманитарных наук, обладающая по отношению к познающему субъекту онтологичностью; 2) процесс интерпретации имеет предпосылочный и контекстуальный характер, который определяет выбор исследовательской гипотезы и отбор текстуальных «фактов»; 3) возможность «диалога» с автором интерпретируемого текста связана с соблюдением в процессе интерпретации определенных этических принципов; 4) знание рассматривается как имеющее личностный и социокультурный характер; 5) интерпретация представляет собой коммуникативный процесс – выявление актуального интересубъективного смысла правовых идей прошлого происходит в «пространстве» современного научного диалога, опосредуемого текстами мыслителей прошлого; 6) результат исследования выражается в создании оригинальной интерпретационной концепции (теоретической модели) правового учения, актуализация которого вносит вклад в современную теорию права; 7) многообразие интерпретационных концепций является «нормальным» научным явлением.

В диссертации получает дополнительную аргументацию и реализуется представленный в работах А. В. Полякова и И. Л. Честнова методологический подход, позволяющий типологизировать правовые учения как принадлежащие к классическому либо постклассическому правопониманию, которые рассматриваются диссертантом как *стили* теоретико-правового мышления, обладающие типологическими особенностями. При разработке данного понятия диссертант опиралась на введенное К. Мангеймом понятие стиля мышления как обладающей собственными закономерностями возникновения и развития «объективной мыслительной структуры» с присущими ей устойчивыми характеристиками, и соответственно идею ученого о том, что человеческая мысль развивается стилями, основополагающие особенности которых поддаются реконструкции, что позволяет рассматривать историю мысли «не как обычную историю идей, а через анализ различных стилей мышления».⁷ Теоретико-

⁷ Манхейм К. Консервативная мысль // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 594, 572–573. – Подобный стилиевой анализ ранее был предпринят диссертантом применительно к консервативной и либеральной философии права

методологическое значение соответствующей типологии стилей теоретико-правового мышления обосновывается в п. 1–2 положений, выносимых на защиту, и при характеристике содержания § 1 гл. 1.

Источниковую базу диссертации составили: 1) труды Л. И. Петражицкого, охватывающие все три периода его научной деятельности – берлинский, петербургский и варшавский – и включающие введенные диссертантом в научный оборот источники; 2) работы участников школы Л. И. Петражицкого, на основе которых реконструируются актуальные идеи школы, позволяющие охарактеризовать ее как самостоятельное направление в истории правовой мысли, – это прежде всего произведения Г. К. Гинса, Г. Д. Гурвича, Г. А. Иванова, М. Лазерсона, Е. Ланде, Я. М. Магазинера, П. Е. Михайлова, Г. А. Нанейшвили, М. А. Рейснера, П. А. Сорокина, Н. С. Тимашева и др.

Теоретические основы исследования. С целью реконструкции проблемного «пространства» современной теории права, образующего контекст, в котором актуализируются теоретическое наследие Л. И. Петражицкого, в диссертации использовались:

1) работы российских ученых – специалистов по философии, теории и социологии права и государства, истории правовой и политической мысли – М. В. Антонова, К. В. Арановского, Н. В. Варламовой, Г. А. Гаджиева, Л. И. Глухаревой, В. Г. Графского, Ю. И. Гревцова, Н. М. Золотухиной, В. Д. Зорькина, И. А. Исаева, С. Н. Касаткина, Д. А. Керимова, А. И. Ковлера, И. Ю. Козлихина, В. А. Козлова, В. В. Лазарева, В. В. Лапаевой, Д. И. Луковской, В. П. Малахова, Г. В. Мальцева, Л. С. Мамута, О. В. Мартышина, В. С. Нерсисянца, А. И. Овчинникова, А. В. Полякова, В. Н. Синюкова, Л. И. Спиридонова, Н. Н. Тарасова, И. Л. Честнова, В. А. Четвернина, В. Е. Чиркина и др.; а также работы И. Н. Грязина, С. И. Максимова, В. И. Павлова, А. Стовбы;

2) зарубежных теоретиков права – Р. Алекси, К. Э. Альчуррона и Е. В. Булыгина, Г. Дж. Бермана, Б. Бикса, Ч. Варги, Г. Кельзена, В. Кравитца, В. Майхофера, Б. Мелкевика, Б. Лайтера, К. Оливекроны, Э. Паттаро, С. Л. Полсона, Г. Радбруха, Дж. Раза, А. Райнаха, А. Росса, У. Твайнинга, Дж. Финниса, Л. Фуллера, А. Хагерстрема, Г. Харта, Дж. Холла, М. ван Хука, Ф. Шауера, П. Шлага, К. Шмитта и др.

Теоретико- и социолого-правовые идеи Л. И. Петражицкого рассматриваются в диссертации в контексте основных направлений русской философии права начала XX в., а также «русского зарубежья», представленных работами Н. Н. Алексеева, Е. В. Васьковского, Б. П. Вышеславцева, Ю. С. Гамбарова, И. А. Ильина, В. Д. Каткова, Б. А. Кистяковского, М. М. Ковалевского, Н. М. Коркунова, С. А. Котляревского, И. В. Михайловского, С. А. Муромцева, П. И. Новгородцева, Н. И. Палиенко, Э. Э. Понтовича, В. С. Соловьева, Е. В. Спекторского, Ф. В. Тарановского, Е. Н. Трубецкого, Б. Н. Чичерина, Г. Ф. Шершеневича, А. С. Яценко и др.

В диссертации использовались также работы современных Л. И. Петражицкому представителей отраслевых юридических наук – Л. Г. Гервагена, А. М. Горовцева, Д. Д. Гримма, Н. Л. Дювернуа, И. А. Покровского, А. Рождественского, Н. С. Суворова и др., а также зарубежных правоведов – Э. Баркера, Ю. Барона, К. Бергбома, Г. Безелера, О. Гирке, Л. Гумпловича, Г. Еллинека, Л. Дюги, Р. Иеринга, Х. Краббе, Ф. Лотмара, Х. Пройса, Х. Трипеля, Р. Штамллера и др.

При обосновании методологии исследования диссертант опиралась на работы современных российских философов, в которых обобщены основополагающие особенности классической и постклассической научной рациональности, – Н. С. Автономовой, П. П. Гайдено, И. Т. Касавина, Л. М. Косаревой, В. А. Лекторского, М. К. Мамардашвили, Е. А. Мамчур, Л. А. Микешиной, Н. В. Мотрошиловой, А. П. Огурцова, В. Н. Поруса, Б. И. Пружинина, В. М. Розина, Э. Ю. Соловьева, В. С. Степина, Е. Л. Чертовой, В. С. Швырева, Б. Г. Юдина и др.

Типологические особенности классического правопонимания выявляются диссертантом на основе

(см. об этом: *Тимошина Е. В.* 1) Онтологическое обоснование права в правовой теории К. П. Победоносцева // *Правоведение.* 1997. № 2. С. 99–106; 2) Политико-правовая идеология русского пореформенного консерватизма: К. П. Победоносцев. СПб., 2000. С. 9, 15–67).

обращения к классическим источникам по истории правовой мысли – трудам Г. Гроция, Т. Гоббса, Р. Декарта, Дж. Локка, Б. Спинозы, Г. В. Лейбница, И. Канта, И. Бентама, Дж. Остина, и др.

Контекстуальное исследование концепции научного знания Л. И. Петражицкого и разработанных им эпистемологических оснований теории права проведено в диссертации с привлечением работ философов, логиков, социологов науки – А. Д. Айера, Б. Больцано, Ф. Brentано, В. Виндельбанда, Л. Витгенштейна, Г. Х. фон Вригта, В. Вундта, И. Ф. Гербарта, Э. Гуссерля, М. Даммита, В. Дильтея, Д. Дэвидсона, Х. Зигварта, Р. Карнапа, Э. Кассирера, Г. Когена, Т. Котарбиньского, В. Крафта, У. В. О. Куайна, Т. Куна, Д. Т. Кэмпбэлла, Г. Кюнга, И. Лакатоса, Ст. Лесьневского, Н. Малкольма, К. Манхейма, А. Мейнонга, Р. Мертона, Дж. Ст. Милля, Э. Нагеля, П. Наторпа, О. Нейрата, М. Оссовской, Дж. Остина, Ч. С. Пирса, К. Поппера, Г. Райла, Б. Рассела, Н. Решера, П. Рикера, Г. Риккерта, Р. Рорти, Ст. Тулмина, П. Файерабенда, Г. Фреге, А. Чёрча, М. Шелера, М. Шлика и др.

Социолого-правовые идеи Л. И. Петражицкого исследуются в диссертации в контексте основных направлений социологии и социологии права XIX–XX вв., представленных работами З. Баумана, П. Бергера и Т. Лукмана, М. Вебера, Л. Вольтмана, Р. Вормса, Э. Гидденса, Э. Дюркгейма, О. Конта, Ж. Карбонье, П. Лилиенфельда, Г. Мида, Т. Парсонса, Р. Пэнто и М. Гравитц, Г. Спенсера, Г. Тарда, А. Шеффле, А. Шюца, О. Эрлиха и др.; также используются исследования современных российских социологов – А. Б. Гофмана, Ю. Н. Давыдова и др.

Научная новизна диссертации состоит в том, что она представляет собой первое комплексное монографическое исследование теории и социологии права Л. И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания, в котором на основе разработанного диссертантом методологического подхода обосновано значение теоретико-правовых и социолого-правовых идей ученого в генезисе постклассического правопонимания в теории права начала XX в., показаны их влияние на участников школы Л. И. Петражицкого, а также их актуализация в последующем развитии зарубежной теории права, обосновано их теоретико-методологическое значение для современной российской теории права. Проблемно-теоретическая реконструкция и интерпретация теории и социологии права Л. И. Петражицкого осуществляется на основе введенных диссертантом в научный оборот источников – посмертно опубликованных рукописей ученого варшавского периода,⁸ что позволило выделить новые проблемные аспекты в изучении его теоретического наследия, а также критически переосмыслить существующие интерпретации его творчества. В процессе исследования получены следующие обладающие научной новизной результаты:

1) обоснованы и использованы познавательные возможности методологического подхода, позволяющего типологизировать правовые учения как принадлежащие к классическому либо постклассическому правопониманию, в том числе: а) разработаны критерии, на основе которых возможны типологическое обобщение и сравнение классического и постклассического правопонимания как специфических стилей теоретико-правового мышления; б) определено понятие «стиль теоретико-правового мышления» и обоснована его эпистемологическая предпочтительность по отношению к постпозитивистскому понятию парадигмы, генетически связанному с рефлексией над особенностями познава-

⁸ *Petrażycki L.* 1) Nowe podstawy logiki i klasyfikacja umiejętności / z rękopisu wydał J. Finkelkraut [J. Licki]. Warszawa, 1939. – 113 s.; 2) Szkice filozoficzne. T. 1. O tak zwanej metodzie krytycznej oraz o metafizyce i filozofii praktycznej Kanta / z rękopisu wydał J. Finkelkraut [J. Licki]. Warszawa, 1939. – 273+65 s.; 3) Nowe podstawy psychologii // *Petrażycki L.* O nauce, prawie i moralności. Pisma wybrane / wyboru dokonali J. Licki i A. Kojder, opracował A. Kojder. Warszawa, 1985. S. 427–440; 4) Zarys teorii władzy // *Ibid.* S. 454–463; 5) Kryzysy kulturalne // *Ibid.* S. 464–467; 6) Rewolucja społeczna // *Ibid.* S. 468–470; 7) O istocie nauki // *Ibid.* S. 476–478. – Перевод на русский язык см.: *Петражицкий Л. И.* 1) Новые основания логики и классификация наук // *Петражицкий Л. И.* Теория и политика права. Избр. тр. / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб., 2010. С. 775–856; 2) Философские очерки. О так называемом критическом методе и о метафизике и практической философии Канта // Там же. С. 601–774; 3) Новые основания психологии // Там же. С. 859–870; 4) Очерк теории власти // Там же. С. 871–879; 5) Кризисы культуры // Там же. С. 880–882; 6) Социальная революция // Там же. С. 883–884; 7) О сущности науки // Там же. С. 885–886.

тельного процесса в естественных науках; *с*) в соответствии с разработанными критериями дана обобщающая характеристика типологических особенностей классического и постклассического правопонимания; *д*) выявлен комплекс идей, позволяющий интерпретировать теорию права Л. И. Петражицкого как соответствующую типологическим особенностям постклассического правопонимания, а также определены сохраняющиеся в его правовой концепции черты классического стиля теоретико-правового мышления;

2) на основе проблемно-теоретической реконструкции концепции научного знания Л. И. Петражицкого и ее интерпретации в контексте основных направлений классической и постклассической теории науки: *а*) установлено влияние на науковедческие исследования ученого предшествующих опытов разработки «наукоучения» Б. Больцано и Э. Гуссерля; *б*) показана актуализация его идей в эволюционной эпистемологии, социологии науки и модальной логике; *с*) доказано влияние логико-методологических исследований Л. И. Петражицкого на проект социологии П. А. Сорокина, теоретические концепции участников Львовско-Варшавской школы – формальную онтологию Ст. Лесьневского и праксеологию Т. Котарбиньского; *д*) определены понятия теоретического и прикладного знания в концепции Л. И. Петражицкого, а также обосновано, что тезис об их необходимой взаимодополнительности являлся принципиальной эпистемологической позицией ученого; *е*) представлена разработанная Л. И. Петражицким классификация юридических наук и определена предметная соотнесенность теории права, социологии права, политики права и философии права;

3) на основе проблемно-теоретической реконструкции логических и методологических оснований теории права Л. И. Петражицкого и их интерпретации в контексте основных направлений классического и постклассического социогуманитарного знания: *а*) доказано, что определяющее влияние на эпистемологические основания теории права Л. И. Петражицкого оказала аналитико-феноменологическая традиция, что позволило опровергнуть общепризнанную трактовку методологических оснований его теории права как соответствующих стандартам классического философского позитивизма; *б*) обоснован вывод о том, что постановка и решение ученым проблемы соотношения теоретико-правового знания, языка и правовой реальности обнаруживают черты сходства как с лингвистической философией, так и с направлением логического анализа научного языка; *с*) аргументирован вывод о том, что представления Л. И. Петражицкого о критериях истинности теоретических утверждений могут быть идентифицированы с когерентной концепцией истины;

4) в связи с современной дискуссией об интегральном правопонимании: *а*) обосновано актуальное теоретико-методологическое значение разработанных Л. И. Петражицким логических и связанных с ними онтологических критериев, которым, в его представлении, должна удовлетворять синтетическая теория права; *б*) доказан приоритет ученого в обосновании синтетической модели теории права по отношению к последующим синтетическим опытам в русской философии права; *с*) показано, что современные концептуальные разработки теоретико-методологических оснований интегрализма как философско-правового проекта ведутся в том же направлении, предполагающем поиск более широкой, человекоразмерной правовой онтологии и акцентуацию прикладного значения правовой теории;

5) при исследовании теории права Л. И. Петражицкого: *а*) установлено, что ученый исходил из представления о конституированном характере объективности правовой реальности, что позволило подвергнуть сомнению обоснованность тезиса об исключительно субъективистском понимании ученым природы права, а также продемонстрировать основания для социологической интерпретации его правовой теории; *б*) представлена разработанная Л. И. Петражицким модель конституирования правовой реальности и дана ее обобщающая характеристика как ценностно-нормативной и социокультурной; *с*) обосновано, что в современной теории права концептуально близкую идеям Л. И. Петражицкого концепцию нормативности развивает итальянский правовед Э. Паттаро; *д*) показана связь критических аргументов ученого в адрес позитивистской теории права с проблема-

ми обоснования действительности и действенности права в юридическом позитивизме XX в., в частности, с дискуссией о проблеме самореференции в праве; *е*) сформулировано определение понятия государства в интерпретации Л. И. Петражицкого как специфического правопорядка организованной социальной группы; *ж*) обосновано, что постановка и решение ученым проблемы дуализма государства и права имеет принципиальное сходство с решением Г. Кельзена и является выражением соответствующей тенденции в теории права начала XX в.;

б) при исследовании социологии права Л. И. Петражицкого, в том числе на основе обращения к работам варшавского периода: *а*) сформулировано определение предмета социологии и социологии права в интерпретации Л. И. Петражицкого; *б*) реконструированы основные аспекты и основания его критического анализа классических социологических концепций, в частности, показано критическое отношение ученого к эмпиристским концепциям социологии и социологии права; *с*) обосновано, что интерпретация Л. И. Петражицким социальной реальности может быть идентифицирована с позицией социологического концептуализма; *д*) доказана близость социолого-правовых идей ученого с понимающей социологией М. Вебера и феноменологической социологией А. Шюца, в частности, обосновано, что установка Л. И. Петражицкого на исследование мотивов может быть интерпретирована в качестве основного элемента социологического метода, направленного на понимание смысла социального действия, *е*) выявлено понимание ученым основных тенденций в эволюции частного и публичного права, что позволило подвергнуть сомнению обоснованность отождествления его правового мировоззрения с правовой идеологией либерализма; *ж*) раскрыта трактовка Л. И. Петражицким социальной революции как фактора в социокультурной эволюции права;

7) выявлен корпус актуальных теоретических идей школы Л. И. Петражицкого, характеризующих ее как самостоятельное направление в истории правовой мысли.

Выделенные аспекты новизны диссертационного исследования раскрываются в том числе в **основных положениях, выносимых на защиту**.

1. Классическое и постклассическое правопонимание представляют собой стили теоретико-правового мышления, типологические особенности которых определяются типом научной рациональности. Основными характеристиками стиля теоретико-правового мышления являются: 1) способы интерпретации правовой реальности, включающие представления о характере связи бытия права, теоретического знания о нем и языка как средства выражения знания; 2) связи научного метода, субъекта и объекта познания в структуре теоретико-правового исследования; 3) условия истинности теоретических утверждений и критерии научности правовой теории; 4) эпистемологический статус результатов теоретико-правового исследования; 5) соотношение собственно когнитивной и социокультурной детерминант в методологии, содержании и динамике теоретико-правового знания; 6) отношение правовой теории к социальной, в том числе юридической, практике, связи теоретического и прикладного юридического знания; и др. Данные характеристики вместе с тем выступают критериями позволяющими провести типологию правопонимания на классическое и постклассическое как обладающих смысловым единством стилей теоретико-правового мышления.

2. Типология классического и постклассического правопонимания, коррелируя с общепризнанной в отечественной философии науки типологией классической и постклассической научной рациональности, имеет внутринаучные и социокультурные основания. Данная типология, являясь инструментом концептуализации истории и современного состояния теоретико-правового знания, представляет собой методологический подход, позволяющий: 1) исследовать классическое и постклассическое правопонимание в их соотнесенности, что делает возможным взаимопрояснение их стилевых особенностей и исключает принятие какого-либо состояния правовой мысли в прошлом и настоящем за самодовлеющий этап ее развития; 2) выявлять стилевую общность эпистемологических и онтологических оснований содержательно различных правовых теорий и тем самым – представить историю правовой мыс-

ли как процесс постепенной смены стилей теоретико-правового мышления, в рамках каждого из которых сосуществуют обладающие стилистическим единством альтернативные правовые концепции; 3) рассматривать ретроспективу и современное состояние теории права в контексте исторического развития и современных тенденций социогуманитарного знания и использовать такой контекстуальный подход в качестве дополнительного инструмента реконструкции правовых учений, позволяющего выявлять их стилеобразующие связи с соответствующим типом научной рациональности.

3. Репрезентирующие классический стиль теоретико-правового мышления (XVII–XIX вв.) юснатурализм и юридический позитивизм сформировались под определяющим влиянием *номотетической* традиции, предписывавшей социогуманитарным наукам эпистемологические стандарты естествознания, и представляют собой соответственно *рационалистический* и *эмпирический* варианты философско-правового натурализма. (1) Особенностью классического правопонимания является объективистская интерпретация бытия права как независимого от сознания субъекта: право предстает в виде – а) объективного идеального бытия, которое может быть открыто ученому, обладающему привилегией объективного видения (*юснатурализм*), б) доступного объективному наблюдению эмпирического факта, обнаруживаемого субъектом данным в мире пространства и времени, подобно «вещи» (*юспозитивизм*). (2) Объективирующая интерпретация бытия права фундирована категорией абстрактного субъекта – абсолютного наблюдателя, конституируемого в результате противопоставления объекту (праву) и владеющего универсальным методом, использование которого рассматривается как не оказывающее влияния на объект. (3) Исходя из того что постигнутое разумом или индуктивно образованное понятие права рассматривается как имеющее референта соответственно в идеальном мире идей или в эмпирической реальности, понятие права считается удовлетворительным настолько, насколько корректно его определение будет указывать на соответствующие ему идеальный или эмпирический объекты, что является основанием корреспондентной теории истины. (4) Теоретико-правовое знание интерпретируется как исчерпывающим образом объясняющее правовую реальность и имеющее характер объективной истины, гарантированный эпистемологическим статусом познающего субъекта как противостоящего объекту и освобожденного в акте познания от следов субъективности. (5) Теоретическое объяснение рассматривается как знание, которое содержит представление о сущности изучаемого объекта в чистом, незамутненном вненаучными предпосылками, виде; соответственно социокультурные детерминанты теоретико-правового знания не осмысливаются. (6) Классические правовые концепции, прежде всего юснатурализм, по отношению к социально-правовой реальности выполняют миссионерскую и прескриптивную функции, рассматривая ее как плацдарм для непосредственного осуществления теоретических схем и тем самым – демонстрации их истинности.

4. Постклассическое правопонимание, процесс формирования которого, начавшийся на рубеже XIX–XX вв., не является завершенным, характеризуется усложнением «картины» правовой реальности, проблематизацией онтологических характеристик права и эпистемологических оснований правовой теории, казавшихся «самоочевидными» в классическом стиле теоретико-правового мышления. Вследствие этого классические интерпретации права как априорной идеи разума, «приказа суверена» или «правопорядка» начинают восприниматься как бессодержательные метафоры, что обуславливает трансформацию соответствующих теоретико-правовых подходов. (1) В постклассическом правопонимании правовая реальность приобретает взаимосвязанные характеристики *человекоразмерности, конституированности, текстуальности, смысла, процессуальности* и «существует» через интерпретационные практики субъектов, при этом используемый ими язык осмысливается как одно из средств ее конституирования. (2) Происходит разрушение классической структуры теоретико-правового исследования «субъект – метод – объект»: предмет теоретико-правового знания рассматривается как конституируемый методом исследования, а субъект познания вследствие осознания его включенности в изучаемую им правовую реальность и систему отношений внутри научного сообщества оказывается

лишенным способности продуцировать универсальное истинное знание, что обуславливает личностный и вместе с тем интересубъективный характер знания. (3) Основополагающие характеристики постклассической правовой онтологии, прежде всего конституированный характер правовой реальности, исключающие интерпретацию теоретико-правового знания как отображения объекта (права) в адекватном ему мыслительном образе, проблематизируют корреспондентную теорию истины, альтернативой которой становится, в частности, когерентная концепция истины. (4) Теоретико-правовое знание интерпретируется как обладающее свойствами контекстуальности, историчности, вариативности и принципиальной незавершенности. (5) Социокультурные детерминанты теоретико-правового знания становятся предметом методологической рефлексии, соответственно происходит экспликация связей между внутринаучными и социокультурными ценностями в структуре теоретико-правового исследования. (6) Теория права рассматривается уже не как возвещающее истину о праве абстрактное знание, но прежде всего как инструмент *выбора решения* в проблемной юридической ситуации.

5. Л. И. Петражицким была обоснована фундаментальная и вместе с тем имеющая прикладное значение философско-правовая программа, *с одной стороны*, основанная на «деконструкции» классических представлений о «природе» правовой реальности и методах ее исследования, а *с другой* – фундированная признанием имманентной ценности права. Теория права ученого соответствует стилевым особенностям постклассического правопонимания, вместе с тем сохраняя некоторые черты классического стиля, что отражает ситуацию начала формирования в теории права на рубеже XIX–XX вв. постклассического стиля теоретико-правового мышления и является свидетельством переходного характера его правовой концепции. К стилевым особенностям классического научного (в том числе теоретико-правового) знания, присутствующим в философии права Л. И. Петражицкого, относятся: 1) представление о возможности *объективного* предметного деления всей системы научного знания, основанное на разделявшейся ученым идее раннего Э. Гуссерля о логическом единстве науки и имевшее своим следствием разработку правоведом универсальной классификации наук; 2) сохранение в его эпистемологии понятия *объективной* истины как необходимой личностной мотивации научной деятельности при признании ученым того, что научное знание имеет принципиально гипотетический и незавершенный характер, и выявлении в его динамике социокультурных и социопсихических аспектов; 3) характерное для берлинского и петербургского периодов его творчества представление о возможности рационального управления совершающимся в истории этическом прогрессом при помощи науки политики права, являющееся выражением общей сциентистской позиции ученого.

6. Разработанная Л. И. Петражицким концепция логического единства научного знания и предпринятая им в варшавский период классификация наук преследовала несколько взаимосвязанных целей: 1) аргументировать тезис о «чистоте» теоретического знания; 2) обосновать – в связи с проектом науки политики права – научный характер прикладного знания и показать его неразрывную связь с теоретическими науками; 3) исходя из этого – определить и разграничить предметные области теории права, социологии права и политики права. В представлении ученого *теория* – это методологически обоснованная система подлежащих истинностной оценке объективно-когнитивных тезисов, субъектом которых является адекватный класс; *прикладная наука* – это выстроенная в соответствии с принципом адекватности система не подлежащих истинностной оценке субъективно-относительных тезисов, базисы которых имеют объективно-когнитивный характер. Данное определение подчеркивает необходимую связь теоретических и прикладных наук, при этом теоретическая обоснованность прикладного знания является условием его научной состоятельности.

Соответственно, в интерпретации Л. И. Петражицкого: 1) *социология права* как видовой теория общей социологии является теорией генезиса и социокультурной эволюции права; 2) предмет *теории права* образуют проблемы правовой онтологии, рассматриваемые ученым как вопросы ментального бытия и мотивационного действия права; при этом гипотеза эволюционного характера процессов пра-

новой мотивации, являющаяся конститутивным признаком его социологии права, образует ту перспективу, которая позволяет в рамках теории права исследовать ценностно-нормативные и социокультурные аспекты действия права; 3) *политика права* представляет собой телеологическую, прикладную науку о принципах рационального управления эволюционными процессами осуществляемого при помощи права социопсихического приспособления; 4) тезисы теории права и социологии права как теоретических наук являются базисами политики права как прикладной науки, задача которой – выработать адресованные законодателю телеологические директивы («телемы») и тем самым способствовать достижению этической цели социокультурной эволюции права; 5) *философия права* представляет собой единство теории права и политики права. При этом политика права является «инструментом» перевода теоретического знания в юридическую практику – прежде всего практику законотворчества, что демонстрирует практическую ориентированность философско-правового проекта ученого.

7. Разработанные Л. И. Петражицким логические и связанные с ними онтологические критерии, которым должна удовлетворять синтетическая теория права, в ситуации непроясненности теоретико-методологических оснований интегрализма как философско-правового проекта могут рассматриваться как имеющие эвристический смысл. Синтетическая теория права в интерпретации ученого характеризуется: 1) развитой, логически согласованной понятийной структурой, в которой из понятия права следуют обусловленные его существенным признаком производные правовые понятия; 2) адекватным охватом предметной области, что позволяет теоретически конституировать более широкую правовую онтологию по сравнению с «односторонними» правовыми теориями, фундированными понятием права, существенный признак которого произвольно ограничивает сферу бытия права, а следовательно, не является существенным, т. е. охватывающим всю возможную предметную область; 3) как следствие этого – способностью к синтезу различных аспектов бытия права, составляющих изолированные предметы изучения конкурирующих правовых теорий, и на этой основе – 4) к «примирению» данных теорий в границах более широкой концептуальной системы. Разработанные ученым критерии синтетической теории права позволяют отграничить последнюю от так называемых им узких правовых теорий, *с одной стороны*, и комбинационных определений понятия права, *с другой стороны*.

8. Логико-методологические основания теории права Л. И. Петражицкого сформировались под влиянием аналитической феноменологии Э. Гуссерля, основным положением которой было признание того, что постановка и решение «метафизического» вопроса о способе существования объекта за пределами сознания ничего не добавляет к знанию об объекте. Замысел Л. И. Петражицкого был направлен против свойственной теории права «наивного проецирования», обуславливающего интерпретацию права в качестве внешнего по отношению к сознанию объекта, помещаемого либо в мир эмпирических явлений (классический *юспозитивизм*), либо в метафизический мир универсальных сущностей (классический *юснатурализм*). С точки зрения ученого право не является фикцией, и вместе с тем оно не существует ни как «вещь», в наличии которой можно было бы удостовериться путем ее опытного наблюдения, ни как умопостигаемая эссенция. Понятиям правовой теории, будь то субъект права, субъективное право и правовая обязанность, и др., не следует искать соответствий в эмпирической или метафизической реальности, так как за пределами сознания им не соответствует никакой реальности. Данные понятия «существуют» исключительно как «элементы» переживаемого субъектом нормативного суждения. Таким образом, в онтологически толерантной теории интенциональных объектов Э. Гуссерля как объектов, представленных в сознании и освобожденных от вопроса об их корреляции с какой-либо метафизической или эмпирической реальностью, ученый нашел логическую концепцию, которая в наибольшей степени удовлетворяла онтологическим допущениям его теории права: отсутствие соотнесенности логического субъекта правового суждения с эмпирически существующим объектом не влекло за собой вывода о том, что соответствующие суждения являются бессмысленными, каковыми они являлись бы в другой логической системе.

9. Эпистемологическая позиция ученого, исключавшая возможность и необходимость соотнесения мыслимых объектов с какой-либо трансцендентной по отношению к сознанию, неязыковой и нементальной, реальностью, тем самым проблематизировала классическую корреспондентную теорию истины. Л. И. Петражицкий выдвигает тезисы о несоизмеримости теоретического и эмпирического знания, а также об отсутствии у процедуры верификации какой-либо эвристической ценности. Представления об истинности теоретических утверждений, из которых исходил ученый, могут быть идентифицированы с когерентной теорией истины, рассматривающей в качестве критерия истинности внутреннее соответствие элементов знания друг другу в пределах некоторой концептуальной системы. Когерентная теория, таким образом, позволяет оценивать истинность тех утверждений, для которых в принципе невозможно установить их соответствие эмпирической действительности, – к таковым, с его точки зрения, относятся все *теоретические* утверждения как утверждения об идеальных, мыслимых объектах. В связи с этим социальная, в частности правовая, теория будет испытывать непреодолимые затруднения при попытке оценить истинность ее утверждений при помощи критериев, предлагаемых корреспондентной теорией. При этом ученому удастся избежать позиции эпистемологического релятивизма как возможного следствия принятия когерентной концепции истины: основанием системы когерентных утверждений является принцип адекватности, предписывающий создавать теории относительно адекватных классов, на которые может быть «объективно» разделена вся предметная область научного знания и относительно которых могут быть выстроены адекватные теории.

10. Л. И. Петражицкий был одним из первых правоведов, поставившим вопрос о роли языка в конституировании права и теоретического знания о нем. Анализируя способ бытия правовых явлений в свете приобретшей актуальность в аналитической философии проблемы связи научного знания, языка и реальности, ученый подчеркивает, что основополагающие понятия юриспруденции являются принятыми юридическим сообществом языковыми конвенциями, практика употребления которых свидетельствует о вере юристов в «объективное» существование реальности, обозначаемой соответствующими понятиями. Сложившаяся в юридической науке «лингвистическая привычка называния», заставляющая искать «где-то в пространстве» стоящую за именами «объективную» реальность (например, «тело» субъекта права), коррелирует с господствующей в юриспруденции «наивно-проекционной точкой зрения», приписывающей эмпирическое или метафизическое существование тому, что обозначается определенным именем; невозможность обнаружить в мире пространства доступный наблюдению «субстрат» соответствующих понятий обуславливает их интерпретацию в качестве фикций.

С одной стороны, подчеркивая, что анализ фактов словоупотребления позволяет выявить значение понятия «право», разделяемое социальной группой, а также отдавая очевидное предпочтение обыденному языку, Л. И. Петражицкий выявляет прагматический аспект языка, на котором акцентировали внимание представители лингвистического направления в аналитической философии, в частности, Л. Витгенштейн. *С другой стороны*, идея ученого о необходимости «очистить» слово «право» как научный термин от тех коннотаций, которые он приобрел в юридическом языке, и осуществить исходную для теоретического познания процедуру рефлексии над смыслом и значением понятия права в обыденном сознании, получила развитие в рамках направления логического анализа научного языка. Обоснованное Л. И. Петражицким представление о том, что значение слова «право» не является заданным раз и навсегда, зафиксированным вне конкретной социальной практики, но определяется способом его употребления в определенном сообществе, является одним из аргументов в пользу возможностей социологической интерпретации его теории права: социальный смысл права выявляется ученым через анализ языка как социального феномена, не просто «отражающего» социальный мир, но являющегося средством, при помощи которого конституируется правовая реальность.

11. Л. И. Петражицкий вскрывает последствия номотетической традиции классического социального знания в современных ему правовых концепциях, главным из которых, по его мнению, является

объективация, «овеществление» права и его «элементов» – правовых норм, субъективных прав и правовых обязанностей и др. Фиксируя эпистемологическую несостоятельность классической структуры теоретико-правового исследования «субъект – метод – объект», ученый полагает, что являющаяся выражением распространенного в юриспруденции «оптического обмана» локализация правовых феноменов «во внешнем по отношению к переживающему правовые явления субъекту мире» обусловлена несоответствием ориентированных на естествознание методов исследования «духовной природе» права. В правовой теории Л. И. Петражицкого «объективность» права и его «элементов» – правоустанавливающего авторитета, правовых норм, правовых обязанностей и др. – конструируется сознанием человека, соответственно, ни один из «элементов» не существует как противопоставленная субъекту «вещь в себе», но «существует» как результат конструктивной деятельности сознания.

Предпринятая Л. И. Петражицким «деконструкция» номотетической традиции в теории права обнаруживает концептуальную родственность со скандинавским правовым реализмом в следующих основных аспектах: 1) в признании недопустимости отождествления нормы права и текста закона; 2) в критике неререфлексивного восприятия субъективных прав и правовых обязанностей как «предметов внешнего мира»; 3) в признании исключительно ментального бытия субъекта права и критике попыток приписать права и обязанности только «реально» существующим лицам. Вместе с тем для ученого были неприемлемы представления скандинавских правовых реалистов о юриспруденции как о естественнонаучной дисциплине, о праве – как об «организованной силе», а также материалистические, бихевиористские и утилитаристские методологические ориентации данной школы.

12. Разработанная Л. И. Петражицким модель конституирования правовой реальности может быть интерпретирована как *нормативно-ценностная* и вместе с тем *социокультурная*. Ученый исходил из презумпции существования легитимного правопорядка, в «границах» которого возможна общность понимания смысла нормативных фактов и конституируемых на их основе субъективных прав и правовых обязанностей. Нормативно-ценностным основанием «обязывающей силы» права является эмоциональное переживание субъектом самодовлеющей ценности типа должного поведения (акционного представления, сопровождающего правовую эмоцию); нормативный смысл правового переживания выражается в том, что оно мотивирует субъекта к реализации должного. Вместе с тем ценность представляемой модели поведения, мотивирующая к ее осуществлению, переживается субъектом в неразрывном единстве с ценностью установившего ее авторитетно-нормативного факта – «веления» законодателя, решения судьи и т. д., которые в конкретной правовой культуре образуют определяемую их различным ценностным значением иерархию как *conditio sine qua non* правопорядка. Таким образом, ценностно обусловленные процессы нормативной мотивации, опирающиеся на легитимированные нормативные факты, создают систему координированного социального поведения, при этом этическая цель социокультурной эволюции права определяет социальную легитимность нормативных фактов и характер мотивационных процессов, определяющих выбор субъектом социально должного.

13. В современной теории права близкую идеям Л. И. Петражицкого концепцию нормативности развивает итальянский правовед Э. Паттаро. (1) Близость теоретических позиций обоих ученых усматривается в их представлениях о ментальном бытии правовой нормы: в интерпретации Л. И. Петражицкого норма права есть содержание нормативного суждения как эмоционального акта, диспозицию которого он называет *нормативным убеждением*; в теории Э. Паттаро правовая норма – это содержание деонтического суждения, полагаемого нормативным по меньшей мере одним человеком, являющимся «приверженцем нормы», для которого характерно определенное психическое состояние, называемое ученым *нормативным верованием*. (2) Как и Л. И. Петражицкий, Э. Паттаро рассматривает правовую норму как «мощный мотив поведения». (3) Итальянский правовед интерпретирует правовые нормы как правила, переживаемые в качестве «обязывающих самих по себе», и на этом основании отграничивает их от имеющих телеологическую направленность правил благоразумия, что

соотносится с двумя видами выделяемой Л. И. Петражицким мотивации – самодовлеющей (нормативной, специфически-правовой) и телеологической, мотивирующей к действиям для достижения известной цели. Таким образом, Л. И. Петражицкий, и Э. Паттаро исходят из общего понятия нормативности как психически переживаемого самообязывания. (4) Итальянский ученый использует понятие «типа действия» в значении, аналогичном понятию «акционных представлений» Л. И. Петражицкого как представлений типа должного поведения, сопровождающих нормативную мотивацию. (5) Близость их теоретических позиций также можно усмотреть в объяснении психологического механизма объективации и универсализации правовых норм, который Л. И. Петражицкий связывал с «мистически-авторитетным» характером правовых эмоций, а Э. Паттаро использует для этого понятие «католодоксия» (*catholodoxia*) – овеществление, гипостазирование нормативных верований, вследствие чего нормативная система представляется «объективно» существующей. Таким образом, оба ученых исходят из представления о конституированном характере объективности правовой реальности.

14. Теория права Л. И. Петражицкого обнаруживает свой социологический характер, когда ученый от описания логической структуры нормативных правовых суждений, рассматриваемых им в качестве специфических эмоциональных актов, переходит к анализу их мотивационного действия, создающего социальный эффект координированного поведения управомоченных и правообязанных субъектов, из актов которого конституируется *правопорядок*. С одной стороны, подчеркивая, что в понятии правопорядка, предлагаемом современными ему правовыми концепциями, присутствует «элемент олицетворения и антропоморфизма», ученый дистанцируется от позиции *социологического реализма* как типа социологических представлений, в рамках которого в качестве «носителей» социальной реальности рассматриваются *над-* или *сверхиндивидуальные* целостности – общество, государство и др., несводимые к взаимодействиям отдельных индивидов; с другой стороны, – от позиции *социологического номинализма*, рассматривающего общество как фиктивное понятие, которому не соответствует никакой реальности. Главный мотив неприятия ученым реалистических социологических концепций – отсутствие в них осмысления того, какую роль в конституировании социальной реальности играет субъект, мотивационно-этические процессы в сознании которого и создают социогенный эффект. Интерпретация Л. И. Петражицким социальной реальности правопорядка как ментального представления, на которое субъекты ориентируют свое поведение и которое, таким образом, оказывает мотивационное действие, является выражением позиции *социологического концептуализма*.

15. Критическая установка Л. И. Петражицкого по отношению к натуралистическим интерпретациям социальной реальности, прежде всего критика им фундаментализма, редукционизма и детерминизма классической социальной теории, позволяет соотнести размышления ученого с идеями тех социологов, которые, по общему признанию, осуществили в начале XX в. «антинатуралистический социологический поворот», – прежде всего с понимающей социологией М. Вебера и феноменологической социологией А. Шюца. Социологию права Л. И. Петражицкого с данными направлениями объединяют: 1) общий подход к интерпретации социальной реальности, который можно охарактеризовать как противоположный социологическому реализму: ученый исходил из того, что единицей социологического анализа является не какая-либо «реалистически» интерпретируемая социальная тотальность, но мотивационно обусловленное поведение; 2) признание такой мотивационной обусловленности существенным признаком социального поведения; 3) анализ мотивов в качестве условия понимания *смысла* поведения; 4) общее представление об основных типах мотивации (в частности, выделяемые ученым типы правовой мотивации – *телеологическая* и *самодовлеющая* – соотносятся с *целерациональным* и *ценностно-рациональным* типами мотивации в социологии М. Вебера) и др.

16. Понимание Л. И. Петражицким тенденций социокультурной эволюции права существенно отличалось от трактовки закономерностей социального развития в классической социальной теории: 1) усматривая в истории права общую тенденцию этического прогресса, ученый признает, что она не

имеет линейного характера и обладает высоким потенциалом возвратного движения, особенно в периоды социальных революций; 2) акцент на эмоционально-ценностном характере мотивационных процессов, определяющих поведение, и на «бессознательно-гениальном» характере социопсихического приспособления, отличает его теорию от модернистских социологических доктрин, которые связывали прогресс с возможностью тотального рационального контроля над социальными отношениями.

В качестве тенденции современного ему *публичного права* Л. И. Петражицкий рассматривает сформировавшееся в результате эволюции правового сознания восприятие государственной власти в качестве «права социального служения», с которым связывается представление об обязанности реализации данного права сообразно общему благу подвластных. В *частном праве* этому соответствует тенденция к замещению эгоистических и корыстных мотивов хозяйственной деятельности «социально-служебной» мотивацией, которая в перспективе может привести к установлению социалистического «правового строя». Социалистическое право рассматривалось ученым как необходимый этап в социокультурной эволюции права, так как его мотивационное действие направлено на атрофию эгоистических элементов социального характера, выработанных предыдущим правом.

17. Интерпретация Л. И. Петражицким проблемы соотношения государства и права выражает тенденцию в теории права начала XX в. – дискредитировать идею власти персонифицированного суверена и редуцировать понятие государства к понятию права. Постановка и решение ученым проблемы дуализма государства и права имеет принципиальное сходство с трактовкой Г. Кельзена: оба ученых 1) связывали происхождение дуализма государства и права с интерпретацией государства как «реального существа», наделяемого антропоморфными чертами и в этом качестве «личности» противопоставляемой праву; 2) для преодоления данного дуализма считали необходимым отказаться от гипостазирования понятия государства, а также от персонификации государственной власти; 3) рассматривали понятие государства как избыточное и редуцировали его к понятию правопорядка. В определении Л. И. Петражицкого, реконструируемом исходя из классификации типов власти и социальных групп, *государство*, формирующееся на определенном этапе социокультурной эволюции права, – это порядок поведения членов *самостоятельной неродственной* социальной группы, мотивационно обусловленного взаимным, определяющим иерархическую структуру группу признанием права *общей верховной социально-служебной* власти и соответствующих данному праву правовых обязанностей.

18. Л. И. Петражицкий формулирует два критических аргумента в адрес позитивистской теории права, демонстрирующие логическую несовместимость понятия государства как правового явления с понятием о праве как об установленных государством нормах: 1) *аргумент о тавтологии* в статистском определении понятия права, предсказывая, таким образом, постановку в юридическом позитивизме XX в. проблемы основной нормы как предельного основания *действительности* правопорядка; 2) *аргумент о бесконечном регрессе санкций* при обосновании *действенности* права через принуждение, который был принят в качестве корректного К. Оливекроной, Г. Кельзеном, а также использован Г. Хартом в его полемике с А. Россом о возможности и осмысленности самореферентных правовых норм. Таким образом, произошедшие в юридическом позитивизме XX в. теоретическая дискредитация идеи персонифицированного суверена как власти, фундирующей правопорядок, и редукция понятия государства к понятию права потребовали нового решения проблемы действительности и действительности права, что является одной из причин, определившей трансформацию юридического позитивизма в рамках постклассического стиля теоретико-правового мышления, и вместе с тем – примером того, как проблематизация смысла понятий классического правопонимания обуславливает глубокие внутренние изменения соответствующих теоретико-правовых подходов.

19. Корпус основополагающих идей школы Л. И. Петражицкого, характеризующих ее как самостоятельное направление в истории правовой мысли, составляют: 1) последовательный антиметафизический подход, реализуемый в рамках принципиально различных методологических стратегий – от фе-

номенологии (Г. Д. Гурвич, Г. А. Иванов, Г. А. Нанейшвили) до бихевиоризма (П. А. Сорокин, Н. С. Тимашев – в определенные периоды их научной деятельности); 2) понимание права как социокультурного явления, не связанного генетически и функционально с государством и интерпретируемого в единстве ценностно-нормативного, социокультурного и социопсихического аспектов его бытия; 3) признание императивно-атрибутивного характера права его существенным и необходимым признаком, позволяющим провести различия между моралью и правом; 4) разделение понятий нормы права и нормативного факта, интерпретируемого феноменологически (Г. А. Нанейшвили) или социологически (Г. Д. Гурвич, Н. С. Тимашев), 5) понимание государства как одного из типов правовой организации социальных групп и признание «социально-служебного» характера публичной власти ее конститутивным признаком; 6) правовой плюрализм, рассматриваемый как выражение «глубинной» онтологии социально-правовой жизни, и корреспондирующая ему идея глобального правопорядка.

Идея Л. И. Петражицкого о достигаемом при помощи права этическом прогрессе в соединении с идеей социально-служебного смысла публичной власти стала мировоззренческим фундаментом глобалистских социально-правовых идеалов его учеников – лиги народов (*civitas gentium*) М. Лазерсона, солидаризма Г. К. Гинса, плюралистической демократии Г. Д. Гурвича. Таким образом, обоснованная Л. И. Петражицким и воспринятая его учениками идея государства как правового явления, предполагающая отказ от понятия государственного суверенитета и связанного с ним представления о государстве как единстве, возвышающемся над всеми социальными группами и персонифицированном в личности суверена, имела своим необходимым следствием развитие в рамках школы концепции правового плюрализма и глобального правопорядка, в рамках которой обосновывалась закономерность процессов глобализации как высшей ступени социокультурной эволюции права.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что оно представляет собой оригинальную интерпретационную концепцию теории и социологии права Л. И. Петражицкого, в рамках которой диссертантом обоснована познавательная ценность методологического подхода к исследованию истории правовой мысли, позволяющего типологизировать правовые учения как принадлежащие к классическому либо постклассическому правопониманию. Предпринятая в диссертационном исследовании концептуализация истории и современного состояния правовой мысли позволяет продемонстрировать исчерпанность теоретико-методологических ресурсов классического правопонимания и – с учетом опыта их проблематизации в рамках постклассического стиля теоретико-правового мышления – выявить перспективы развития теории права, в том числе в направлении актуализации ее практического значения. Выражающее основополагающую особенность постклассического правопонимания представление о праве как конституируемой субъектами человека-размерной реальности позволяет акцентировать значение правовой теории как инструмента личностного ответственного выбора и принятия решения в проблемной юридической ситуации, при этом инструментальное значение правовой теории, как это следует из изучения опыта разработки Л. И. Петражицким своей целостной философско-правовой программы, может быть реализовано только при условии понимания целей и перспектив социокультурной эволюции права, определяющих выбор соответствующих целей правовой политики. Проведенное в диссертации исследование проблемы соотношения теоретического и прикладного знания, демонстрирующее их необходимую взаимодополнительность, показывает значимость дальнейшей разработки целостной (интегральной) теории права – в ее онтологических, эпистемологических, ценностных и практико-деятельностных аспектах – как фундаментальной и вместе с тем имеющей прикладное значение юридической науки, при этом анализ эпистемологических оснований правовой теории в интерпретации Л. И. Петражицкого способен существенно расширить «пространство» методологической рефлексии современной российской теории права. Выявление диссертантом связи теоретико-правовых размышлений Л. И. Петражицкого со значимыми дискуссиями в зарубежной теории права XX в., в которых исполь-

зовались аргументы ученого, свидетельствует об отсутствии у русской философии права оснований для комплекса провинциальности, и способствует уяснению значения ее основных направлений, в частности школы Л. И. Петражицкого, в истории мировой правовой мысли.

Выводы диссертационного исследования могут быть положены в основу дальнейших научных разработок методологии теории и социологии права, типологии правопонимания, обобщающих исследований русской философии права и в частности школы Л. И. Петражицкого. Результаты исследования могут быть также использованы как в практике преподавания, так и при разработке учебников и учебных пособий по основным курсам бакалавриата и магистратуры «Теория государства и права», «Проблемы теории государства и права», «История политических и правовых учений», «История и методология юридической науки», «Современные проблемы юридической науки», «Философия права», «Социология права», а также при разработке соответствующих специальных курсов.

Апробация результатов исследования. Диссертационное исследование прошло апробацию при его обсуждении на кафедре теории и истории государства и права СПбГУ, а также в секторе истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН.

Основные положения исследования отражены в публикациях диссертанта: *монографиях*, включая главы в коллективных монографиях (4); *статьях в научных журналах, рекомендованных ВАК* (15); *статьях в зарубежных научных журналах* (2); *статьях в сборниках научных статей и полных текстов докладов на научных конференциях* (15); *тезисах докладов на российских и зарубежных конференциях* (11); *учебниках и учебных пособиях* (8).

Результаты диссертационного исследования по мере их достижения внедрялись в практику преподавания на юридическом факультете СПбГУ основных и специальных дисциплин по программам бакалавриата и магистратуры: «*Теория права и государства*», «*Проблемы теории государства и права*», «*История и методология юридической науки*», «*История правовых и политических учений России*», «*Толкование права*», «*История философии права в России*».

Основные положения диссертационного исследования докладывались на **российских научных конференциях**: «*Государство и право на рубеже веков*» (всероссийская научная конференция, Москва, ИГП РАН, 2–4 февраля 2000 г.); «*Право как ценность. Многообразие исторических форм и перспективы развития*» (всероссийская научная конференция, Сочи, Кубанский государственный университет, 20–22 ноября 2004 г.); «*Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве*» (всероссийский методологический семинар, СПбГУ, Центр содействия правовой реформе, Фонд Мак-Артуров, С.-Петербург, 28–30 июня 2004 г.); «*Права человека. Вопросы истории и теории*» (межвузовская научно-теоретическая конференция (С.-Петербург, СПбГУ, 24 апреля 2004 г.); «*Нравственные основы теории государства и права*» (международная научная конференция, Москва, МГЮА, 3 февраля 2005 г.); «*Право и общество в эпоху перемен*» (вторые философско-правовые чтения памяти акад. В. С. Нерсесянца, Москва, ИГП РАН, 2 октября 2007 г.); «*Философия права в России: история и современность*» (третьи философско-правовые чтения памяти акад. В. С. Нерсесянца, Москва, ИГП РАН, 2 октября 2008 г.); «*Современная юридическая наука и ее проблематизация*» (международная научно-теоретическая конференция, С.-Петербург, СПбГУ, 28 марта 2009 г.); «*Гражданское общество и правовое государство как факторы модернизации российской правовой системы*» (международная научно-теоретическая конференция, С.-Петербург, С.-Петербургский филиал ГУ-ВШЭ, 11–12 декабря 2009 г.); «*Современное правоведение: поиск методологических оснований*» (всероссийская научная конференция, Москва, РУДН, 26 марта 2010 г.); «*Стандарты научности юридической теории*» (пятые философско-правовые чтения памяти акад. В. С. Нерсесянца, Москва, ИГП РАН, 4 октября 2010 г.); «*Проблема правосубъектности: современные интерпретации*» (международная научно-практическая конференция, Самара, Самарская гуманитарная академия, Исследовательский центр философии права и теоретической юриспруденции, 25 февраля 2011 г.); «*Правовые*

культуры» (всероссийская научная конференция, Москва, РУДН, 25 марта 2011 г.); «Идея правового государства в России: история и современность» (научно-практическая конференция, посвященная 150-летию со дня рождения П. А. Столыпина, С.-Петербург, Министерство юстиции РФ, Фонд изучения наследия П. А. Столыпина, 17–18 мая 2011 г.); «Нравственное государство как императив государственной эволюции» (всероссийская научная конференция, Москва, ООИ РАН, ИГП РАН, ИНИОН РАН, Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООИ РАН, 27 мая 2011 г.); «Нормы и нормативные системы в философии, праве и информатике» (международный симпозиум, посвященный 80-летию Е. В. Булыгина, 40-летию выхода в свет «Normative Systems» К. Э. Альчуррона, Е. В. Булыгина, презентации русского перевода «Normative Systems», С.-Петербург, Философский факультет СПбГУ, 9–10 сентября 2011 г.); «Энциклопедия права или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания» (седьмые философско-правовые чтения памяти акад. В. С. Нерсесянца, Москва, ИГП РАН, Российская секция Международной Ассоциации социальной и правовой философии, 2 октября 2012 г.); «Юридический позитивизм и конкуренция теорий права: история и современность (к 100-летию со дня смерти Г. Ф. Шершеневича)» (VI ежегодная международная научно-практическая конференция, Иваново, ИвГУ, Юридический факультет, Научно-исследовательский и образовательный центр изучения немецкого права, Центр римского права, 5–8 октября 2012 г.); «Философия и современное международное право» (международный симпозиум, С.-Петербург, философский факультет СПбГУ, 13–14 мая 2013 г.) и др.;

а также на **зарубежных научных конференциях**: «Global Harmony and Rule of Law» (24-й Международный конгресс Международной ассоциации философии права и социальной философии, Пекин, 15–20 сентября 2009 г.); «“Pravda-Spravedlivost”. Zum Diskurs der Gerechtigkeit in der Russischen Philosophie und Ideengeschichte» (международная конференция, проводимая Исследовательском центром «Русская философия и интеллектуальная история» в рамках междисциплинарного проекта «Культуры справедливости. Нормативный дискурс в диалоге между Западной Европой и Россией» при поддержке Федерального министерства науки и образования Германии, Бохум, Рурский университет, 28–31 октября 2009 г.); «Leo Petrażycki and the Contemporary Legal Pluralism» (международная конференция, Варшава, Варшавский университет, 4 марта 2011 г.).

Основные положения диссертационного исследования прошли научную экспертизу:

1) в рамках научных проектов диссертанта, поддержанных Российским гуманитарным научным фондом: научно-исследовательского – «Теория и политика права Л. И. Петражицкого в контексте методологических проблем современного правоведения» (№ 06-03-00332а, 2006 г.) и научно-издательского – «Л. И. Петражицкий. Теория и политика права. Избр. тр. / науч. ред. Е. В. Тимошина (100 п. л.)» (№ 10-03-16033д, 2010 г.);

2) при выполнении научных исследований в качестве члена ведущей научной школы (руководитель – проф. Д. И. Луковская), поддержанной грантами Президента Российской Федерации, по темам: «Принципы права: вопросы теории и истории» (№ НШ-5034.2006.6, 2006–2007 гг.), «Право и глобализация: проблемы теории и истории» (№ НШ-218.2008.6, 2009 г.), «Правовая система общества: проблемы теории и практики» (№ НШ-3856.2010.6, 2010–2011 гг.);

3) при выполнении фундаментальных НИР СПбГУ в качестве руководителя – «Петербургская школа философии права: истоки, идеи, перспективы развития» (2013 г.); «Аксиология судебного толкования: инструменты взвешивания в ситуации конкуренции прав человека» (2013 г.) и исполнителя (руководитель – проф. А. В. Поляков) – «Теория права в эпоху глобализации» (2008–2012 гг.); «Петербургская школа философии права: истоки, идеи, перспективы развития» (2011–2012 гг.); «Толкование правовых норм и проблема адаптации опыта систем прецедентного права» (2011 г.).

Структура диссертации состоит из введения, шести глав, объединяющих 24 параграфа, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, оценивается состояние разработанности темы в научной литературе, определяются объект, предмет, цели, задачи и методология исследования, дается общая характеристика его источниковой базы и теоретических основ, формулируются научная новизна представленного исследования и основные положения, выносимые на защиту, а также его теоретико-методологическая и практическая значимость.

В **главе 1 – «Типы научной рациональности и типы правопонимания: методологические основы исследования»** – рассматриваются социокультурные и внутринаучные основания типологии классического и постклассического правопонимания, ее теоретико-методологическое значение (§ 1), выявляются стилевые особенности классического (§ 2) и постклассического правопонимания (§ 3).

В § 1 – *«Классическое и постклассическое правопонимание: основания типологии и ее теоретико-методологическое значение»* – аргументируются, в частности, положения о том, что: 1) разработанная в современной философии науки типология научной рациональности на классическую, неклассическую и постнеклассическую в теории права представляется избыточной, так как положенные в ее основание и ориентированные на историю естественных наук критерии не соотносимы с историческим развитием теоретико-правового знания, а следовательно, 2) методологически оправданным представляется выделение классического и постклассического (неклассического) типов правопонимания. В диссертации также отмечается, что использование данной терминологии является специфической традицией отечественной философии науки; впервые соответствующее разделение было проведено в так называемой статье трех авторов – М. К. Мамардашвили, Э. Ю. Соловьева и В. С. Швырева, посвященной сопоставлению классической и современной философии,⁹ а в постсоветский период деление научного знания на классическое и постклассическое стало общепризнанным. Данная типология используется в качестве инструмента концептуальной реконструкции в ряде социально-гуманитарных наук – социологии, истории, этике и эстетике; из идеи различения классического и постклассического правопонимания в теории права исходят С. И. Максимов, А. И. Овчинников, А. В. Поляков, А. В. Стомба, И. Л. Честнов. Таким образом, типология классического и постклассического правопонимания коррелирует с общепризнанным в философии науки выделением классического и постклассического типов научной рациональности, в основе которого лежит признание того, что на рубеже XIX–XX вв. произошли радикальные изменения во всех сферах европейской культуры, в том числе и в стиле научного мышления, соответственно, выделение классического и постклассического типов правопонимания имеет под собой фундаментальные социокультурные основания.

Рассматривая классическое и постклассическое правопонимание в качестве стилей теоретико-правового мышления, диссертант дает определение соответствующего понятия, выявляет его основополагающие эпистемологические, онтологические, аксиологические и практико-деятельностные характеристики в качестве взаимосвязанных оснований соответствующей типологии (см. *положение 1*). При разработке данного понятия диссертант опиралась на обоснованное К. Мангеймом понятие «стиль мышления», а также на концепцию стиля научного мышления, которая использовалась в отечественной философии науки начиная с конца 1960-х годов, однако, как отмечается в современных исследованиях, ее методологический потенциал не был реализован в связи с ее вытеснением понятиями постпозитивистских интерпретаций науки. Вместе с тем эпистемологическое преимущество данного понятия состоит в том, что если в результате инициированной постпозитивизмом социокультурной релятивизации научно-познавательной деятельности – что выразилось в радикальной социологизации механизмов, обеспечивающих единство мнений членов научного сообщества, – произошла

⁹ Мамардашвили М. К., Соловьев Э. Ю., Швырев В. С. Классическая и современная буржуазная философия (Опыт эпистемологического сопоставления) // Вопросы философии. 1970. № 12. С. 23–38; 1971. № 4. С. 58–73.

утрата имманентных смысловых оснований собственно знания, то понятие стиля научного мышления, с самого начала содержало в себе «идею внутренней *смысловой* целостности» знания (Б. И. Пружинин). Диссертант также приходит к выводу о том, что данное понятие приобретает важное методологическое значение именно для социогуманитарного знания, в том числе для теории права, вследствие того, что взаимосвязанные постпозитивистские понятия парадигмы, научного сообщества и научной революции, генетически связанные с рефлексией над особенностями познавательного процесса в естественных науках, не являются адекватными методологическими инструментами для концептуальной реконструкции истории теоретико-правового знания.

Диссертантом обосновывается теоретико-методологическое значение типологии классического и постклассического правопонимания (см. *положение 2*), в частности, подчеркивается, что хотя данная типология имеет хронологические основания, в качестве которых выступает рубеж XIX–XX вв., однако выделение классического и постклассического правопонимания является не столько периодизацией истории правовой мысли, сколько ее *концептуализацией*, и в этом смысле классическое и постклассическое правопонимание представляют собой не хронологические периоды в истории правовых идей, но именно типы как специфические стили мышления; следовательно, нахождение той или правовой концепции в хронологическом отрезке современности не означает ее идентификацию в качестве постклассической, так как она может сохранять стилевые особенности классического правопонимания.

В § 2 – «**Номотетическая традиция как фундирующий признак классического правопонимания**» – представлен обобщающий анализ типологических особенностей классического правопонимания, которые сформировались под определяющим влиянием *натуралистической* (В. Дильтей) или *номотетической* (В. Виндельбанд, Г. Риккерт) традиции, предписывавшей социогуманитарным наукам эпистемологические стандарты естествознания. В диссертации отмечается, что исторически первая попытка натурализации социального знания, вдохновленная идеей использования универсального математического (дедуктивно-аксиоматического) метода для объяснения социальных явлений, принадлежит классическому естественно-правовому подходу, или, в терминологии Н. Н. Алексева, *рационалистическому натурализму*. В классическом юснатурализме право интерпретируется как трансцендентное по отношению к сознанию «объективное» идеальное бытие, которое может быть «открыто» ученому, обладающему привилегией «объективного» видения, благодаря использованию универсального метода и освобождению в акте познания от следов субъективности. Объективность знания о естественном праве гарантировала предполагавшаяся классическим методом презумпция имперсональности разума, «открывающего» универсальное естественное право в скрытых от обыденного сознания «тайниках» идеально-объективного бытия. Последовавшая в первой половине XIX в. позитивистская реакция против «метафизики» естественно-правовой школы явилась *эмпирическим* вариантом философско-правового натурализма. В рамках позитивистской познавательной стратегии дедуктивно-аксиоматическому методу юснатурализма были противопоставлены эмпирические методы исследования права, бытие которого, в отличие от эмпирически неverified реальности естественного права, интерпретировалось как доступный «объективному» наблюдению и универсальному описанию эмпирический факт. Соответственно изменяются методологические стандарты теории права: теперь она должна была обладать таким же опытным характером, какой имело описательное естествознание – ограничиваться наблюдением, описанием и систематизацией «объективных фактов».

Проведенное в диссертации исследование позволило выявить общность стиля мышления двух классических типов правопонимания, обусловленную определяющим влиянием номотетической традиции (см. *положение 3*). Таким образом, при демонстрации эпистемологических оснований классического юснатурализма и юспозитивизма становится очевидно, что теория права, ориентированная на один из этих типов правопонимания, сталкивается с проблемой обоснования своего социально-гуманитарного характера. В классическом правопонимании не артикулируется специфика правовой

реальности по сравнению с реальностью, задаваемой процедурами естественнонаучной методологии. Для юснатурализма и юридического позитивизма как классических типов правопонимания, ориентированных на познавательные идеалы классического естествознания, обоснование «связи» права с человеком, с миром переживаемых им ценностей, оказывается теоретически неразрешимой проблемой.

Рассматриваемые в § 3 *типологические особенности постклассического правопонимания* определяются отказом от номотетической традиции классического обществознания и осознанием специфики объекта и методологии социальных наук, что приводит к разрушению классического мифа о существовании универсального научного метода. В. Дильтей и представители баденской школы неокантианства В. Виндельбанд и Г. Риккерт, впервые сделавшие предметом исследования методологическое своеобразие «наук о духе», или «наук о культуре», прежде всего преследовали цель манифестации эпистемологического своеобразия социогуманитарного знания и его освобождения от метафизического диктата мифологически-универсального естественнонаучного метода. Соответственно для постклассического правопонимания характерен отказ от объективации права, обусловленной натуралистической установкой классических подходов, которая ориентировала на интерпретацию бытия права как некоего объекта, рационально постигаемого «абсолютным наблюдателем».

Принципиально новой чертой правовой онтологии в постклассическом правопонимании становится ее *процессуальность*, противопоставляемая классическому пониманию права как «статичного... завершенного... однажды данного и готового к употреблению» феномена (Ч. Варга). Процессуальность как характеристика постклассической онтологии права выходит на первый план во многих правовых теориях (А. Кауфманна, Дж. Холла, М. Ван Хука, А. В. Полякова, И. Л. Честнова и др.), определяя специфику даже естественно-правовых концепций (например, теории процедурного естественного права Л. Фуллера); как таковая она необходимым образом связана с концептуальным осознанием *человекоразмерности права*. В современной философии науки человекоразмерность рассматривается, *во-первых*, как существенная характеристика постклассической онтологии, как свойство реальностей, составляющих предмет исследования постклассической науки, *во-вторых*, как характеристика постклассической эпистемологии, требующей учитывать ценностную обусловленность научного знания. Осознание *человекоразмерности* права позволяет интерпретировать его уже не как трансцендентное по отношению к сознанию человека «объективное» идеальное бытие (*юснатурализм*) или доступный «объективному» наблюдению и универсальному описанию эмпирический факт (*юспозитивизм*), но как явление, обусловленное «проектно-конструктивной» активностью человеческого сознания (В. С. Швырев). Соответственно это обуславливает такую черту постклассической онтологии права, как его (права) *конституированный характер*. Эти и иные выявленные диссертантом стилевые характеристики постклассического правопонимания обобщаются в п. 4 положений, выносимых на защиту.

С целью раскрыть генеральный замысел ученого – обосновать взаимодополнительность теоретического и прикладного знания о праве – в главе 2 («**Теория права, социология права и политика права в системе наук: взаимодополнительность теоретического и прикладного знания в интерпретации Л. И. Петражицкого**») реконструирована концепция научного знания Л. И. Петражицкого, проведен ее контекстуальный анализ в связи с основными направлениями классической и постклассической философии науки, что позволило представить эпистемологические идеи ученого как соответствующие особенностям постклассической научной методологии.

В § 1 исследуются *генезис концепции научного знания Л. И. Петражицкого и ее эволюция* в варшавский период его творчества, дается общая характеристика введенных диссертантом в научных оборот источников. Отмечая, что интерес правоведа к проблемам, образующим предмет современного науковедения, характерен для всех периодов его творчества – берлинского, петербургского и варшавского, диссертант подчеркивает, что теория науки Л. И. Петражицкого, как и иные исследования ученого, связана с разработанной им в берлинский период концепцией политики права как прикладной

юридической науки, рекомендации которой призваны содействовать достижению этико-социального идеала, являющегося мировоззренческим фундаментом его философии и социологии права. Необходимость утверждения дисциплинарного статуса политики права в качестве самостоятельной научной дисциплины, что включало определение ее предмета и методологии, привела ученого к разработке теоретических основ правовой политики – теории права, общей социологии и социологии права и др., в конечном счете, заставила обратиться к логическим и методологическим основаниям научного знания как такового, образующим, по его собственной характеристике, «науку о науке», или «теорию науки». На основе анализа эволюции замысла ученого, диссертант делает вывод о том, что его науковедческие исследования велись в русле актуальной тогда традиции интерпретации логики как общей теории науки; данная традиция представлена именами Э. Гуссерля, Г. Когена, П. Наторпа и др., на работы которых Л. И. Петражицкий ссылался в работах варшавского периода.

Концепция научного знания Л. И. Петражицкого наряду с логическими основаниями классификации наук включала в себя также эмотивную социологию науки, реконструкции и анализу которой посвящен § 2 – «*Эмотивная социология науки Л. И. Петражицкого в контексте эволюционной эпистемологии: проблема интерсубъективности и объективности теоретического знания*». Диссертант делает вывод о том, что ученый разрешал данную проблему, разделяя, с одной стороны, контекстуально обусловленный процесс научного познания, который рассматривался им как протекающая в определенном социокультурном контексте интерсубъективная деятельность членов научного сообщества, а с другой – объективированные в логико-языковой форме результаты данного процесса, к организации и оценке которых применяются «объективные» правила «логики истины».

Исследуя разработанную Л. И. Петражицким эволюционную модель динамики научного знания в сопоставлении с таким направлением постклассической философии науки, как эволюционная эпистемология, основные положения были развиты представителями постпозитивизма в 1960–70-х гг., диссертант выделяет несколько аспектов их концептуального сходства, одним из которых является обоснование тезиса о том, что эволюционная селекция научных теорий осуществляется через процедуры их критического обсуждения, что обуславливает принципиальную гипотетичность научного знания. Вместе с тем в отличие от эволюционной эпистемологии, в рамках которой научная деятельность рассматривалась как направленная исключительно на рост знания, концепция Л. И. Петражицкого, опиравшаяся на представление об эволюции как процессе телеологическом, имеющем этическую цель, предполагала не только эволюционный отбор наиболее эффективных приемов научного мышления, но и селекцию эмоций, мотивирующих научную деятельность. С целью рационального управления мотивационными процессами научной деятельности Л. И. Петражицкий считает необходимым разработать прикладную науку *университетской политики* как часть политики публичного права.

Обращение Л. И. Петражицкого к проблеме формирования научных школ и легитимации новых научных идей и шире – к эволюционным, социокультурным и социопсихическим аспектам научного знания, ставшим самостоятельным предметом исследования в целом ряде направлений философии науки во второй половине XX в., свидетельствует о том, что его концепция научного знания заключала в себе черты постклассического стиля научного мышления, сохраняя в то же время такой базовый концепт классической науки, как истина. Своеобразие позиции Л. И. Петражицкого состояло в том, что ученый, с одной стороны, не был склонен признавать научную истину старомодной условностью, полагая, что наука без интенции истины есть *contradictio in adjecto*; с другой стороны, он также не считал возможным рассматривать науку в соответствии с классическими идеалами кумулятивизма – как непрерывно пополняемую сумму знаний, никак не связанную ни с социокультурным контекстом, в котором знание формулируется, ни с деятельностью организованных в научные сообщества ученых.

Разработанная Л. И. Петражицким концепция логического единства научного знания, как показывается в § 3 – «*Логическое единство научного знания и классификация наук. Понятия теоретиче-*

ского и прикладного знания», сформировалась под влиянием сложившейся в европейской философской традиции идеи «наукоучения»; представляющие данную традицию Б. Больцано и Э. Гуссерль (периода «Логических исследований») обосновали «объективно-логическое» единство научного знания и существование логически необходимого порядка наук. Вместе с тем ученый полагал, что существующая система наук, *с одной стороны*, далека от логической полноты, *с другой стороны*, содержит в себе избыточные научные дисциплины вследствие отсутствия логически обоснованного разграничения их предметов. С целью достижения логического единства и полноты, иерархичности и адекватной дисциплинарной организации всей системы наук, включая и саму логику, он предлагал использовать несколько «инструментов»: 1) принцип адекватности научной теории, предполагающий ее выстраивание в отношении адекватного класса объектов; 2) теорему об $n+1$ теорий, которая может быть интерпретирована как логическое выражение требования метатеоретического обоснования теории, что обуславливает иерархию научных дисциплин; 3) позиционную классификацию наук.

Предпринятая Л. И. Петражицким в соответствии с принципом адекватности реформа логики имела своей целью не только расширение предмета логики, но и обоснование логического критерия, на основе которого можно было бы осуществить универсальную классификацию наук. Адекватным классом для логики, полагает ученый, являются не суждения или высказывания (предложения), а *позиции* – «соответствующие простые, далее неразложимые смыслы, т. е. содержание суждений или предложений». Выделяя в структуре научной теории три вида позиций: 1) *тезисы*; 2) *базисы*, служащие для обоснования тезисов; 3) *аксессуары* (примеры, иллюстрации и т. п.), Л. И. Петражицкий подчеркивает, что критерием классификации наук являются тезисы, подразделяемые им на *объективно-когнитивные*, представляющие собой ценностно нейтральные, констатирующие утверждения, по отношению к которым может применяться критерий истинности, и *субъективно-относительные*, выражающие оценки, пожелания, требования и т. п., к которым критерий истинности неприменим. Проводя деление наук на *теоретические*, тезисы которых имеют объективно-когнитивный характер, и *субъективно-относительные*, являющиеся «прикладными» по отношению к теоретическим, ученый формулирует методологическое правило: базисами как теоретических, так и прикладных наук должны быть объективно-когнитивные позиции, при этом в пределах одной науки не должно быть смешения тезисов, столь характерного для социально-гуманитарных наук и в частности теории права. На основе разработанной ученым классификации позиций диссертант реконструирует понятия теоретического и прикладного знания в интерпретации Л. И. Петражицкого (см. *положение б*).

Классификация позиций, являясь основанием классификации наук, лежит в основе структуры логики, каждый раздел которой «обслуживает» соответствующую науку. Таким образом, структура научного знания совпадает со структурой логики, в которой Л. И. Петражицкий выделяет *логику истины* и *логику субъективно-относительного мышления*; двумя частями последней являются *логика критики* и *логика императивов*, соответствующие современной логике оценок и логике норм. Подразделами логики императивов должны были стать *телеологическая* и *нормативная* логики, которые рассматривались ученым в качестве фундамента соответственно *политики права* и *юридической догматики*. Аргументы Л. И. Петражицкого о необходимости расширения области логического за пределы истины, в том числе для оперирующей нормативными позициями юриспруденции, анализируются диссертантом в связи с проблемой обоснования деонтической логики, в частности, в связи с аргументами ученых, отстаивавших тезис об алогичности норм (Г. Фреге, представители логического позитивизма, А. Хэгерстром, А. Росс, Г. Кельзен и др.). По мнению диссертанта, обоснование Л. И. Петражицким – с целью разработать логические основания прикладного знания, в частности политики права, – логики субъективно-относительного мышления и попытка спроектировать ее основные разделы соответствует тенденции развития модальных логик во второй половине XX в.

В § 4 – «Система юридических наук. Проблема разграничения предметов теории права, социо-

логии права и политики права» – рассматривается предложенная Л. И. Петражицким и коррелирующая с делением позиций и структурой логики классификация юридических наук. На основе ее критического анализа диссертант делает вывод о том, что возникновение новых наук не может быть обусловлено исключительно требованием логической полноты научного знания, вытекающим из убежденности в существовании логически необходимого порядка наук, но определяется многообразием социокультурных и внутринаучных факторов. На основе обращения к опубликованным рукописям ученого варшавского периода реконструируется разграничение предметов теории, социологии и политики права в интерпретации Л. И. Петражицкого (см. *положение б*); также показывается, что ученый критически относился к эмпиристским трактовкам предмета социологии права, полагая их методологически и теоретически несостоятельными.

В главе 3 – **«Синтетическая модель теории права Л. И. Петражицкого и проблема интегрального правопонимания»** – в контексте современной дискуссии об интегральном правопонимании и в ретроспективе синтетических опытов в русской философии права начала XX в. исследуются разработанные Л. И. Петражицким критерии, которым должна удовлетворять «синтетическая» теория права, обосновывается их эвристическое значение для оценки интегрального характера правовых концепций.

В § 1 – **«Интегральная теория права как феномен современного правопонимания: итоги дискуссии и постановка проблемы исследования»** – диссертант, отмечая непроясненность теоретико-методологических оснований интегрализма как философско-правового проекта, обобщает основные результаты ведущейся в российской теории права дискуссии об интегральном правопонимании, рассматривая в качестве теоретически перспективных и практически значимых четыре тезиса, в совокупности характеризующие логико-эпистемологический, онтологический, ценностный и практико-деятельностный аспекты интегрального подхода: 1) отстаиваемый представителями либертарной теории тезис о том, что критерием теоретической состоятельности понятия права является его способность «развернуться» в теорию как систему логически взаимосвязанных теоретических положений; 2) обоснованная А. В. Поляковым идея различения интегративного подхода, преследующего цель объединения односторонних правовых концепций, и интегрального, конституирующего более широкую по сравнению с ними правовую онтологию и на этой основе снимающего противоречия между конкурирующими теориями; 3) разделяемый участниками дискуссии тезис, обозначаемый диссертантом как тезис о «человекоразмерности» права и рассматриваемый в качестве такой характеристики онтологии и эпистемологии права, при которой может быть выполнено требование «интегральности» правовой теории; 4) обусловленная данным тезисом идея актуализации практического значения правовой теории как инструмента выбора и принятия решения в проблемной юридической ситуации.

Обоснованная Л. И. Петражицким синтетическая модель теории права, ставшая первым опытом его размышлений над логическими основаниями теоретико-правового знания, исследуется в § 2 – **«Эпистемологические и онтологические критерии синтетической теории права в интерпретации Л. И. Петражицкого»**. Выражая общую тенденцию к номинальным определениям, преобладающую в современной логике, ученый обосновывает первичность в научном исследовании процедуры определения понятия, что позволяет, путем указания на его существенный признак, определить логическое содержание понятия и его объем, т. е. класс обобщаемых в понятии предметов мышления, и дедуктивно выстроить понятийную систему теории. При этом критерием «правильности» определения объема понятия права и соответственно синтетического характера правовой теории является выделение в качестве существенного такого признака понятия права, который задает более широкую онтологию права по сравнению с узкими правовыми концепциями, дискредитируемыми ученым в качестве односторонних и в этом смысле несинтетических. В диссертации обобщаются разработанные им логические и связанные с ними онтологические критерии, которым должна удовлетворять синтетическая теория права, позволяющие отграничить последнюю от узких правовых концепций – с одной

стороны, и комбинационных определений понятия права – с другой (см. положение 7).

В § 3 – *«Идея теоретико-правового синтеза Л. И. Петражицкого и синтетические модели в русской философии права»* – выдвинутая ученым идея теоретико-правового синтеза сопоставляется с синтетическими моделями в русской философии права. В диссертации отмечается, что осознание односторонности существующих теоретико-правовых конструкций и обоснование синтетической теории права традиционно связывают с именем А. С. Яценко, однако его синтетические опыты являлись уже вторичными по отношению к идеям Л. И. Петражицкого; кроме того, предложенное А. С. Яценко «методологическое» правило, предписывающее «обнять» частные определения понятия права «многосторонним», является точной формулировкой комбинационного принципа построения определений, а его собственное определение понятия права – наглядной иллюстрацией данного принципа. Анализируя также плюралистическую теорию права Б. А. Кистяковского, диссертант приходит к выводу об отсутствии оснований характеризовать его теорию как синтетическую, так как для достижения цели «заключительного синтеза» ученый лишь рекомендует методы аналитического «расчленения» понятия права. На основе анализа социологического учения о праве П. А. Сорокина, феноменологической теории права Н. Н. Алексева, интегрального правового учения Г. Д. Гурвича и др., диссертант делает вывод о том, что интегральный, «синтетический», характер теории – это не вопрос формулирования «многостороннего», или комбинационного, определения понятия права, а следовательно, характеристика той или иной теории права в качестве интегральной не может быть дана исключительно на основании анализа определения понятия права, но должна относиться ко всей системе логически взаимосвязанных теоретических утверждений; точно так же и «одномерность» понятия права не должна рассматриваться как основание для вывода об «одномерном» характере правовой теории. Разработанные Л. И. Петражицким критерии синтетической теории права применяются в диссертации к анализу правовых концепций, сложившихся в современной российской теории.

В главе 4 – *«Эпистемологические основания теории права в интерпретации Л. И. Петражицкого»* – исследуются разработанные ученым логико-методологические основания теории права, выявляются источники его эпистемологических идей, показывается их связь с основными направлениями социогуманитарного знания XX в. Такой ракурс исследования призван продемонстрировать, что предложенная Л. И. Петражицким интерпретация бытия права, радикально отличавшаяся от его трактовок в классическом правопонимании, стала возможной благодаря не менее радикальному пересмотру ученым современных ему методов социально-гуманитарных наук, в частности теории права, и предпринятой им разработке новых оснований научной методологии, составивших «корневую систему» его целостного философско-правового и социолого-правового учения.

Для корректного построения системы теоретического знания, полагает Л. И. Петражицкий, принципиальное значение приобретает проблема образования общих (классовых) понятий, в частности понятия права. По мнению диссертанта, данная проблема связана с фундаментальными логическими и онтологическими основаниями правовой теории, необходимо предполагающими ответы на вопросы о том, (1) как соотносится теоретическое знание о праве с реальностью права и как она может быть интерпретирована, (2) каковы условия истинности теоретических утверждений в социогуманитарных науках и в частности в теории права, (3) как знание связано с языком, средствами которого оно представлено? Таким образом, проблема конституирования понятия права есть вместе с тем проблема интерпретации обозначаемой или конструируемой с его помощью реальности, а следовательно, тот или иной вариант ее решения является выражением фундаментальных онтологических допущений теории права. В § 1 – *«Право как “идея”, как “фикция” и как “факт”»: критический анализ естественно-правовой и позитивистской интерпретаций понятия и бытия права»* – данный тезис обосновывается на основе анализа естественно-правовой и позитивистской интерпретаций понятия права.

Постановка Л. И. Петражицким проблемы образования общих понятий и предложенное ученым ее

решение могут быть прояснены с учетом ретроспективного анализа проблемы универсалий, обсуждение которой еще в эпоху Средневековья создало фундаментальные философские традиции реализма и номинализма, сохраняющиеся и в современной логике и философии, хотя и в существенно трансформированном виде. Как известно, *реализм* фундирован признанием нементального бытия идеальных объектов – универсалий, что в последующих реконструкциях особенностей классического социогуманитарного знания было названо гипостазированием понятий и что Л. И. Петражицкий называл «наивным проецированием» содержания сознания в трансцендентный по отношению к сознанию мир. По мнению диссертанта, в истории правовой мысли реалистический подход к интерпретации общих понятий представлен в классическом юснатурализме, что обусловило и соответствующую трактовку естественного права как внеположной человеческому сознанию объективной идеальной сущности.

С точки зрения *номинализма*, признающего реальность бытия лишь единичных пространственно-временных объектов, общие понятия имеют исключительно лингвистическую реальность в виде общих терминов – «имен», вводимых для обозначения некоторого множества сходных предметов. Отмечая, что для некоторых версий философского и юридического позитивизма характерна последовательная номиналистическая позиция (И. Бентам), диссертант полагает, что корреляция между номинализмом и юридическим позитивизмом не может быть проведена с достаточной последовательностью в связи с тем, что представители классического юспозитивизма, как правило, отказывались признать за общим понятием права исключительно лингвистическую реальность, и считали, что право существует в виде доступного непосредственному наблюдению объекта, т. е. осуществляли то же гипостазирование общих понятий, но уже в пространство «внешнего» мира. Диссертант делает вывод о том, что не будучи вполне последовательными в проведении номиналистической позиции в вопросе о бытии права, они использовали *понятийный* инструментарий номинализма с целью доказать фиктивный характер естественного права. Парадокс позитивистской критики, обращенной на понятие естественного права, состоял в том, что она часто соединялась с некритичной верой в реальность эмпирического бытия государства и создаваемого им позитивного права. Вместе с тем с последовательно номиналистической позиции, занимаемой юридическим позитивизмом в вопросе критики юснатурализма, вопрос о реальности бытия естественного и позитивного права должен решаться одинаковым образом: ни то, ни другое не обладает эмпирической реальностью, и в этом смысле позитивное право точно так же предстает «грандиозным ничто» (И. Бентам). Позитивное право не более эмпирично, чем право естественное: никто из представителей юспозитивизма не был склонен сводить его к простой совокупности знаков – текстам, так как их социальный смысл состоит отнюдь не в существовании в качестве «вещей». Однако даже простейшие вопросы о том, почему они интерпретируются как имеющие смысл официальных текстов, обладающих юридической «силой», и в чем состоят основания общезначимости такой интерпретации, с точки зрения классического юридического позитивизма должны вообще исключаться из предмета научного исследования как безнадежно «метафизические».

Итак, в классическом юснатурализме понятие естественного права интерпретировалось реалистически – как объективная, существующая независимо от сознания человека, умопостигаемая сущность. В классическом юридическом позитивизме понятие права в его соотношении с бытием права интерпретировалось различно: *во-первых*, понятие права рассматривалось в качестве фикции, лингвистической величины, не указывающей на какую-либо данную в опыте номиналистически трактуемую реальность (И. Бентам, В. Д. Катков), и такую позицию следует признать последовательно номиналистической; *во-вторых*, оно представляло собой общий термин, указывающий на совокупность доступных эмпирическому наблюдению данных опыта и применяющийся к результату их индуктивного обобщения. При этом в качестве таких опытных данных выступали различного рода «факты», понятие которых было включено в позитивистскую доктрину без попытки теоретической рефлексии. Таким образом, в основе как естественно-правовых, так и позитивистских (за исключением бентамовской)

интерпретаций понятия права лежит общее предположение о том, что право обладает существованием, независимым от сознания человека – в виде умопостигаемой сущности, которую субъект лишь «открывает», либо эмпирического факта, который он обнаруживает данным в мире пространства и времени, подобно «вещи». Также общей чертой классических естественно-правовых и позитивистских (небентамовских) концепций является то, что постигнутое разумом или индуктивно образованное понятие права имеет референта соответственно в идеальном мире идей или в эмпирической реальности. Исходя из этого, понятие права будет удовлетворительным настолько, насколько корректно его определение будет указывать на соответствующий ему идеальный или эмпирический «объект», существование которых не зависит от наших попыток их «открыть» или осуществить в отношении них процедуры наблюдения. Идея независимой от субъекта и его языка объективной реальности является основанием классической корреспондентной теории истины как *«adaequatio rei et intellectus»*: соответствия «вещи» – права – и понятия о нем. Однако поскольку право не существует ни как «вещь», ни как умопостигаемая объективная сущность, установить условия истинности теоретических высказываний о праве, с такой точки зрения, не представляется возможным. Позиция Л. И. Петражицкого, подчеркивает диссертант, не может быть отождествлена ни с одной из представленных концепций.

В § 2 – *«Индуктивная модель научной теории в позитивистской юриспруденции: критическая интерпретация Л. И. Петражицкого»* – представлен критический анализ Л. И. Петражицким индуктивной модели научной теории, которая предполагала образование общих понятий путем индуктивного обобщения опытных данных и предписывалась философским позитивизмом в качестве общенаучного методологического стандарта. В диссертации отмечается, что ученый развивает критические аргументы в адрес индуктивизма в то время, когда он рассматривался в качестве уважаемой научно-исследовательской программы, на прочном фундаменте которой предполагалось воздвигнуть здание социальных наук. На основе анализа методологических оснований современных ученому позитивистских правовых теорий диссертант делает вывод о том, что присутствующие в них ссылки на «наблюдение», «опыт» и «факты» выполняли функцию научной легитимации используемых ими «метафизических» понятий («государственной воли», «социальной солидарности» и т. п.).

Диссертант аргументирует тезис о том, что Л. И. Петражицкий исходил из принципиальной несоизмеримости теоретического и эмпирического знания, а следовательно, из логической невозможности построения теории на основе индуктивного обобщения некоторой совокупности подвергнутых наблюдению фактов. Реконструированные и обобщенные диссертантом критические аргументы Л. И. Петражицкого в адрес индуктивной модели научного метода заслуживают внимания в связи с тем, что они ставят под сомнение обоснованность хрестоматийной характеристики методологии ученого как позитивистской: 1) с точки зрения ученого, никакое доступное наблюдению множество *«hic et nunc»* данных предметов не образует логический класс, который в качестве предмета теории является рационально сконструированным абстрактным объектом; 2) ученый полагает невозможным осуществление процедуры наблюдения при отсутствии теории, задающей предметные границы области эмпирического исследования; 3) он отказывает процедуре верификации в какой-либо эвристической ценности на том основании, что она не способна генерировать новое знание, а также 4) подчеркивает принципиальную познавательную ограниченность процедур эмпирического наблюдения, что при попытке построения теоретического знания неизбежно приводит к логическим «скачкам». Таким образом, с точки зрения Л. И. Петражицкого, индуктивный метод, предполагающий предварительное эмпирическое наблюдение и последующую обобщающую абстракцию на основе замеченного сходства в опытных данных, эпистемологически не эффективен в качестве метода построения системы теоретико-правового знания. На основе сравнительного исследования диссертант также делает вывод о том, что вероятным источником критики ученым процедуры обобщающей абстракции, предполагаемой индуктивным методом, как и вообще тезиса о несоизмеримости теоретического и эмпирического зна-

ния, могли послужить критические аргументы Э. Гуссерля в адрес «эмпиристской теории абстрагирования». В совокупности с обоснованным выше тезисом о влиянии на науковедческие исследования Л. И. Петражицкого идеи Э. Гуссерля о логическом единстве научного знания данный вывод позволил диссертанту предположить, что возможности адекватной интерпретации логико-методологических оснований его теории права открываются в контексте аналитико-феноменологической традиции, представленной именами Г. Фреге, Ф. Brentano, А. Мейнонга и Э. Гуссерля.

Исследованию данной традиции в связи с концепцией общих понятий Л. И. Петражицкого посвящен § 3 – «Право как “мыслимый объект”: онтологические допущения теории права Л. И. Петражицкого в контексте аналитико-феноменологической традиции». В диссертации отмечается, что при обосновании общих (классовых) понятий Л. И. Петражицкий дистанцируется как от реалистической, так и от номиналистической их интерпретации. Процесс теоретического познания, как его представляет ученый, должен начинаться с образования классового понятия, с помощью которого выделяется определенный класс явлений. Общее понятие, согласно его определению, есть «идея всего того, что мыслимо как обладающее известными признаками», а все мыслимые объекты, соответствующие данной идее, образуют класс. Предлагаемое правоведом определение понятия класса как мыслимого объекта, нетождественного эмпирическому, а потому конечному, множеству явлений, в логике принято называть интенциональным и рассматривать его в качестве логически более фундаментального по сравнению с экстенциональным его определением как эмпирически данной *«hic et nunc»* совокупности выделенных по сходству предметов, обозначаемой соответствующим термином.

Если мыслимый объект, на который указывает классовое понятие, не дан в эмпирической действительности, и точно так же он не может быть обнаружен в мире идей, то закономерно предположить, что единственный «локус» его бытия – это человеческое сознание, являвшееся тогда предметом исследования дескриптивной психологии и формировавшейся в начале XX века феноменологии. Первая получила развитие в трудах Ф. Brentano, оказавшего влияние не только на феноменологию, но и на аналитическую философию, общей чертой которых является представление об имманентной данности мира в определенных фиксирующих этот мир структурах – в языке и сознании. В диссертации отмечается, что Ф. Brentano проблематизировал классическое понятие объекта как трансцендентного по отношению к сознанию, полагая, что мы имеем дело с потерявшим смысл словоупотреблением, и вводит понятие интенционального объекта как представленного в сознании и освобожденного от вопроса о его «действительном существовании». Используя Brentановское понятие интенциональности, его ученики Э. Гуссерль и А. Мейнонг (на труды которого, в числе других работ представителей австрийской школы психологии, ссылался Л. И. Петражицкий) разработали онтологически толерантную концепцию интенциональных объектов. Так, Э. Гуссерль подчеркивал, что постановка и решение «метафизического» вопроса о способе существования объекта за пределами сознания ничего не добавляет к знанию об объекте. В диссертации аргументируется тезис о том, что наиболее вероятным источником разработанной Л. И. Петражицким концепции классов как мыслимых объектов, конституируемых посредством общего понятия (идеи), могла послужить концепция идеирующей абстракции Э. Гуссерля, которая была противопоставлена философом эмпиристской теории абстрагирования.

На основе проведенного сравнительного исследования диссертант полагает возможным выделить несколько аспектов сходства эпистемологических идей Л. И. Петражицкого как в целом с аналитико-феноменологической традицией, так и в особенности с аналитической феноменологией Э. Гуссерля. (1) Это общее представление о том, что предметом познания является не «внешний» мир, но сознание субъекта. (2) С концепцией интенциональных объектов как объектов, представленных в сознании и освобожденных от вопроса об их корреляции с эмпирически существующими объектами, имеет параллели тезис Л. И. Петражицкого о том, что понятиям юриспруденции не следует искать соответствий во «внешнем» мире, так как за пределами человеческого сознания им не соответствует никакой

реальности. Данные понятия и соответствующие им мыслимые объекты существуют исключительно как элементы переживаемого субъектом нормативного суждения. (3) И Э. Гуссерль, и Л. И. Петражицкий в качестве необходимого условия теоретического знания допускали ментальное существование общих объектов (классов) и соответствующих им общих понятий. (4) Они также исходили из того, что объем общего понятия задается самим понятием, а соответствующий ему класс есть мыслимый объект, несводимый к эмпирической совокупности членов класса; и др.

Эпистемологическая позиция, исключавшая возможность и необходимость соотнесения мыслимых объектов с какой-либо трансцендентной по отношению к сознанию, неязыковой и нементальной, реальностью, тем самым проблематизировала классическую корреспондентную теорию истины. Принципиальная позиция Л. И. Петражицкого состояла в том, что используемые в нормативных суждениях правовые понятия не могут быть обнаружены в эмпирической реальности, находящейся за пределами сознания субъекта, однако отсутствие такой предметной отнесенности не лишает данные суждения смысла. По мнению диссертанта, в «Логических исследованиях» Э. Гуссерля ученый нашел логическую концепцию, которая в наибольшей степени удовлетворяла онтологическим допущениям его теории права (см. *положение 8*). Рассматривая позитивистское деление права «по признаку существования или не-существования» на два подкласса – позитивное (полагаемое эмпирически существующим) и естественное (рассматриваемое как эмпирически несуществующее) как пример «логической несообразности», Л. И. Петражицкий тем самым указывает на то, что признак эмпирического существования или не-существования какого-либо объекта мысли не рассматривается им в качестве его логически значимой характеристики. Это является еще одним аргументом в пользу гипотезы диссертанта о том, что ученый интерпретирует мыслимые объекты в русле аналитико-феноменологической традиции.

Проблема интерпретации классов и классовых понятий оказывается необходимым образом связанной с вопросом о критериях «отбора» мыслимых объектов в качестве объектов *научного* исследования. Для ученого таким критерием был принцип адекватности теории, который рассматривается в § 4 – «**Принцип адекватности научной теории и проблема истинности теоретических утверждений в социальных науках**». Данное правило научной методологии состоит в том, что при образовании теорий следует заботиться об их адекватности в смысле отнесения теоретических утверждений к «надлежащим», достаточно обширным классам объектов. Реконструируя определение понятия адекватной теории, диссертант делает вывод о том, что концепция синтетического построения теории права была преобразована Л. И. Петражицким в концепцию адекватности научных теорий: адекватные теории суть теории, основанные на необходимой логической и причинной связи теоретических утверждений со специфическим отличием (*differentia specifica*) класса, которое мыслится как необходимо присущее данному классу и только ему. Принцип адекватности, или соразмерности, логического субъекта и предиката, задает, таким образом, область истинности теоретических высказываний. Обращая внимание на то, что Л. И. Петражицкий, формулируя принципы построения адекватной теории, не выдвигает требования ее эмпирической верификации, более того, подчеркивает принципиальное «несовпадение теоретических истин и конкретных объектов наблюдения», диссертант делает вывод о том, что представления об истинности теоретических утверждений, из которых исходил ученый, могут быть идентифицированы с когерентной теорией истины (см. *положение 9*). Сделанное предположение можно подтвердить, в частности, на основе анализа выдвинутых ученым критических аргументов в адрес этатистской теории права, которая рассматривалась им как неадекватная теория именно вследствие несоответствия критерию внутренней согласованности теоретических утверждений, предполагаемому когерентной концепцией истины: с одной стороны, ее теоретические утверждения относятся только к части адекватного класса, а именно к официально позитивному – внутригосударственному – праву, с другой стороны, в той степени, в какой эта теория притязает на охват таким понятием и международного права, ее тезисы отнесены к слишком обширному классу, неадекватному

данному понятию. В диссертации рассматривается использование принципа адекватности в социологии П. А. Сорокина, а также в теоретических системах ученых, принадлежавших к Львовско-Варшавской школе, – в формальной онтологии Ст. Лесьневского и праксеологии Т. Котарбиньского.

В § 5 – *«Проблема связи научного знания, языка и реальности. Критический анализ эссенциалистского языка юриспруденции»* – проблема интерпретации общих понятий и построения адекватных теорий рассматривается в контексте поставленной в аналитической философии проблемы связи теоретического знания, языка и реальности. Диссертант отмечает, что замысел Л. И. Петражицкого состоял в том, чтобы «очистить» слово «право» как теоретический, научный термин от тех коннотаций, которые он приобрел в профессионально-юридическом языке. Подчеркивая, что значение слова «право» задается различными контекстами его употребления, ученый полагает, что именно анализ фактов словоупотребления позволяет выявить значение понятия, разделяемое той или иной социальной группой, так как в языке отражается в виде «лингвистических отложений» накопленный в процессе социопсихического приспособления социально-правовой опыт. Реконструируя позицию Л. И. Петражицкого, диссертант аргументирует тезис о том, что, с точки зрения ученого, основные понятия юриспруденции представляют собой принятые юридическим сообществом языковые конвенции, практика употребления которых свидетельствует о нерелексивной уверенности юристов в «объективном» существовании реальности, обозначаемой соответствующими понятиями. По его мнению, господство в юриспруденции «наивно-проекционной точки зрения» объясняет ее «тягу» к эссенциалистским определениям, обуславливающим метафоричность юридического языка.

Полагая, что подчинение профессиональным лингвистическим привычкам при образовании общих понятий юриспруденции является одним из источников неадекватных теорий, Л. И. Петражицкий отдает очевидное предпочтение «общенародному языку». Однако какое-либо удачное понятие, добытое в виде «подарка бессознательно мудрого языка», для достижения его «полной научности» необходимо подвергнуть повторному акту уже «научно-методического» производства. С точки зрения ученого единственная возможность отвлечься от прагматики языка с его многозначностью и психологическими ассоциациями, не способствующими научному описанию реальности, – разделить проблему образования общих понятий науки и проблему словесного обозначения этих понятий. Только понятие адекватного класса, относительно которого может быть построена адекватная теория, полагает он, является «достойным крещения особым именем» – либо вновь образованным либо уже существующим в той или иной «лингвистической сфере». Однако данное имя, «очищенное» от тех коннотаций, которое оно приобрело в практике его использования, представляет собой уже новую самостоятельную лингвистическую величину – научный термин. По мнению диссертанта, описываемый Л. И. Петражицким процесс образования классов и соответствующих им классовых понятий, завершающийся актом их терминологического наименования, может быть соотнесен с процедурой экспликации понятия Р. Карнапа, которая представляет собой исходную для теоретического познания процедуру рефлексии над смыслом и значением представлений обыденного сознания. Диссертант делает вывод о том, что в рассматриваемом аспекте логические исследования Л. И. Петражицкого обнаруживают черты сходства, с одной стороны, с лингвистической философией, акцентировавшей внимание на прагматических аспектах обыденного языка, с другой стороны, – с направлением логического анализа научного языка (см. *положение 10*). Последовательно критикуя правовые концепции, исходящие из некоего предсуществующего мира объектов или антропоморфизированных ментальных сущностей индивида в качестве генетических источников права, Л. И. Петражицкий предлагает прежде всего обратиться к переживающему соответствующие эмоциональные акты субъекту.

В § 6 – *«Право как “психический факт”: методологические основания теории права Л. И. Петражицкого и проблема их идентификации с позитивистской традицией науки»* – диссертант подвергает критическому анализу хрестоматийное представление о позитивистском характере

методологических оснований теории права ученого, в частности, полагая, что оно не позволяет объяснить критику им натуралистической традиции в социальных науках, различных направлений юридического позитивизма, а также выдвинутое им требование возрождения естественного права и др. Кроме того, главный мировоззренческий и вместе с тем методологический посыл Л. И. Петражицкого состоял в том, что право имеет «духовную природу» и этический смысл, а потому не может быть исследовано в соответствии с ориентированными на естествознание методологическими стандартами позитивизма. По мнению диссертанта, главной причиной характеристики его теории права как основанной на методологии позитивизма является ее интерпретация в контексте классической науки с ее ограниченным набором методологических подходов – априорно-рационалистического, метафизического, представленного школой естественного права, и эмпирического, монополизированного позитивизмом. Соответственно эмпирико-позитивистский подход в классической науке рассматривается как единственная методологическая альтернатива метафизике естественного права. Анализируя критические аргументы, выдвинутые представителями школы возрожденного естественного права, диссертант показывает, что их методологическое мышление ограничивалось дихотомией – либо рассматривать бытие права как причастное «горней сфере умознания» (Е. Н. Трубецкой), либо методологически ошибочно помещать его в эмпирический мир, что, по их мнению, и было сделано Л. И. Петражицким. Однако, подчеркивает диссертант, ученый расходится с обоими направлениями в понимании реальности права, которое, с его точки зрения, не есть явление «эмпирического или метафизического мира».

Л. И. Петражицкий адресует существующим трактовкам права тот же критический аргумент, который представитель феноменологии права А. Райнах впоследствии предъявлял всем нефеноменологическим подходам: их объединяет общая исследовательская задача – установить генетическую связь права с государством, обществом, народным духом и т. п. как «правополагающими факторами», что, однако, с его точки зрения, не позволяет уяснить собственную «сущность» права. Ученый исходил из того, что право существует не вследствие его «порожденности» государством, обществом или духом народа, но представляет собой особого рода эмоциональное переживание, которое подлежит исследованию при помощи интроспективного метода как наиболее соответствующего, по его мнению, «духовной природе» права, позволяющего исследовать внутренний опыт переживания правовых эмоций и описать их инвариантную императивно-атрибутивную структуру. Рекомендуемый Л. И. Петражицким метод интроспекции – основной метод психологической науки рубежа XIX–XX вв.: его использовали столь разные по своим философским ориентациям психологи, как основоположник прагматизма У. Джемс, позитивист Дж. Ст. Милль, учитель Э. Гуссерля Ф. Brentano и др. Аргументируя тезис о том, что ученый весьма близко подошел к феноменологической методологии, диссертант вместе с тем отмечает ограниченность познавательных ресурсов интроспективного метода, использование которого не адекватно цели достижения феноменологической «очевидности» знания.

Разработанные Л. И. Петражицким эпистемологические основания теории права обусловили интерпретацию ученым правовой реальности как имеющей конституированный характер. Проблема того, каким образом, в его представлении, конституируется правопорядок, что необходимо предполагает ответ на вопрос о том, каковы основания «обязывающей силы» права, исследуется в **главе 5 – «Процесс конституирования правовой реальности в интерпретации Л. И. Петражицкого».**

В § 1 – *«Стилевые особенности классического правопонимания: “деконструкция” Л. И. Петражицкого»* – рассматривается осуществленная Л. И. Петражицким последовательная «деконструкция» наиболее характерных черт теоретико-правового знания, сформировавшихся под определяющим влиянием номотетической традиции, главным из которых, по мнению ученого, является объективация права и его «элементов» (правовых норм, субъективных прав и правовых обязанностей и др.), что, подчеркивает он, обусловлено прежде всего несоответствием «духовной природе» права традиционно применяемых методов его исследования. В результате объективирующей интерпретации

праву приписываются пространственные характеристики (при определении права как инструмента *разграничения* интересов), количественные характеристики (свойственные определениям права как *меры* свободы) и даже физические свойства «принудительной *силы*». Л. И. Петражицкий выделяет три типа концепций, способствующих появлению «наивно-фантастических конструкций» в теории права: 1) *наивно-реалистические*, отождествляющие ментальное бытие права с материальной реальностью; 2) *наивно-нигилистические*, отрицающие реальность какого-либо правового явления из-за невозможности обнаружить его в «пространстве» внешнего мира; 3) *наивно-конструктивистские*, заключающиеся в искусственном конструировании несуществующих феноменов правовой реальности.

В интерпретации бытия правовой нормы обнаруживается наивно-реалистический подход, следствием которого является: 1) отождествление бытия правовой нормы с нормативным фактом, т. е. с происходящим во времени и пространстве актом поведения, вызывающим в психике субъектов императивно-атрибутивные переживания, связанные с представлением этого факта; 2) отождествление бытия правовой нормы со знаковым комплексом – «чернильными пятнами на бумаге» – как «свидетельством» нормативных фактов. В трактовке бытия правового отношения также обнаруживается наивно-реалистический подход, «овеществляющий» правовую связь между субъектами права и правовой обязанности, и как следствие этого локализуя ее в пространстве. Дальнейшая «фантастическая продукция», порождаемая господствующим учением о правовом отношении, состоит в «*овеществлении, материализации*» правовой обязанности и субъективного права; учение же об объектах правового отношения, по мнению Л. И. Петражицкого, вообще имеет «*физикальный*» и «*натуралистический*» характер. Ученый критикует также объективистское представление о юридических фактах, в соответствии с которым они рассматриваются как «нечто объективно существующее», в то время как факты не существуют изолированно от конструируемого субъектами их смысла. В учении же о субъектах права присутствуют все три типа правовых концепций, конструирующих «фантастический» мир теории права: *наивно-реалистический* характер имеют концепции, занятые поисками в пространстве «тела» субъекта права; *наивно-нигилистический* – отрицающие существование некоторых субъектов права из-за невозможности обнаружить соответствующей реальности во «внешнем» мире (Бог, святые, дьявол, души усопших и другие субъекты древнего и средневекового права, а также юридические лица в интерпретации фикционной теории); *наивно-конструктивистский* – конструирующие различные «фантастические существа» («социальные организмы» О. Гирке, «государственная воля» и т. п.).

Выделяя черты сходства предпринятой ученым «деконструкции» натуралистической традиции в теории права и антиметафизического подхода, характерного для скандинавского правового реализма (см. *положение II*), диссертант подчеркивает, что данное направление сближается с «психологической» теорией права в той степени, в какой его представители полагали, что понятия юриспруденции являются терминами, не имеющими референта в эмпирической действительности, однако по отношению к критическому анализу Л. И. Петражицкого их критика имела вторичный характер.

Разработанная Л. И. Петражицким концепция «обязывающей силы» права имела отчетливо выраженный антипозитивистский характер, что делает необходимым для наиболее адекватной ее реконструкции исследовать основные критические аргументы ученого, обращенные к трактовке *оснований действительности и действительности права в юридическом позитивизме (§ 2)*. Аргумент Л. И. Петражицкого о тавтологии в классическом этатистском определении понятия права рассматривается в § 2. 1 в связи с проблемой основной нормы как основания действительности права в юспозитивизме. В диссертации отмечается, что юридический позитивизм, исходящий из так называемого разделительного тезиса, согласно которому понятию права должно быть дано определение, не включающее в себя моральных элементов, не предполагал, в отличие от юснатурализма, какого-либо метаюридического (этического) обоснования правопорядка. Этатистское определение понятие права не могло быть рассмотрено как тавтологическое до тех пор, пока сохраняло научную легитимность поня-

тие суверена, используемое в классическом «командном» определении Дж. Остина. Смысл идеи суверена состоял в том, что суверену, для того «чтобы создать право, нет нужды иметь право» (К. Шмитт), т. е. его власть как социальный факт была предельным основанием действительности создаваемого сувереном права. Только в юридическом позитивизме XX в., в особенности под влиянием работ Г. Кельзена о необходимости разграничения юридического и социологического понятия государства, было осознано, что отсылка к социальному факту власти как основанию действительности права имеет такой же метаюридический характер, как и апелляция к морали в юснатурализме.

Теоретико-правовые взгляды Л. И. Петражицкого соответствовали основной тенденции в философии права начала XX в.: дискредитировать идею суверена, редуцировать понятие государства к понятию правопорядка, а понятие государственного суверенитета заменить понятием «суверенитета права». С отказом от идеи суверена в качестве власти, фундирующей правопорядок, и признанием государства правовым явлением этатистское определение понятия права приобретало тавтологический характер, на что обратил внимание ученый, указав на присутствующий в данном определении логический круг. С целью его преодоления в юридическом позитивизме XX в. вводится понятие основной нормы, что выражает общую тенденцию – пересмотреть фундаментальные основания правовой системы, т. е. заменить идею власти персонифицированного суверена «безличной значимостью безличной нормы» (К. Шмитт). Вариантами решения проблемы основной нормы, как известно, стали две теоретические модели действительности права: *аналитическая* модель Г. Кельзена, в которой действительность норм правопорядка определяется отношением к мыслимой основной норме, и *эмпирическая* модель Г. Харта, в которой сам факт существования правопорядка свидетельствует об эффективно функционирующем в его границах правиле признания, используемом субъектами правовой системы для идентификации других правил данной системы в качестве юридически действительных.

В диссертации отмечается, что если эмпирическая интерпретация основной нормы не располагает объяснением перехода от сущего к должному, то аналитическая трактовка оказывается неспособной объяснить переход от должного к сущему – от действительности нормы к ее действительности, что приводит к теоретическому игнорированию проблемы социального действия права. Хотя данный упрек может быть отведен при помощи позитивистского тезиса о том, что постановка и решение данной проблемы не входят в предмет юриспруденции и подлежат обсуждению в рамках социологии права, однако при таком варианте реагирования на проблему юриспруденция или вынуждена принять тезис о некоей «предустановленной гармонии» между рационально сконструированным миром должного и загадочным образом формирующейся на его основе юридической практикой как областью сущего, или подобно представителям скандинавского правового реализма сравнивать способность правоустанавливающего акта вызывать изменения в социальной действительности с «магической» или «сверхъестественной» силой. В связи с этим разработанная Л. И. Петражицким аксиологическая теория мотивации поведения, объясняющая обусловленный культурой социопсихический «механизм» конституирования правовой реальности, представляется одной из возможных теоретических альтернатив.

В § 2. 2 рассматривается аргумент Л. И. Петражицкого о бесконечном регрессе санкций, к которому впоследствии обращались Г. Кельзен, К. Оливекрона, а также Г. Харт в рамках полемики с А. Россом в связи с проблемой самореференции в праве. В англоязычную научную литературу данный аргумент вводит Н. С. Тимашев (1939), пытаясь, однако, его опровергнуть; К. Оливекрона (1948), возражая ему, делает вывод о том, что «аргумент Петражицкого не может быть отброшен», так как «обязывающая сила» правовых норм не может быть определена через правила, предписывающие санкции. Аргумент Л. И. Петражицкого комментирует Г. Кельзен в «Общей теории права и государства» (1949) в главе с характерным названием «Бесконечная серия санкций». Соглашаясь с данным аргументом, Г. Кельзен вместе с тем предлагает решение обозначенной Л. И. Петражицким проблемы: полагая, что серия устанавливающих санкции правовых норм не может продолжаться бесконечно,

Г. Кельзен замыкает ее последней нормой серии, санкция которой не устанавливает правовую обязанность, т. е. за неприменение данной санкции далее уже не следует санкция. Однако, по мнению диссертанта, в решении, предложенном Г. Кельзеном, вновь возникает «тень» устраненного из позитивистских конструкций «суверена» – органа, который хотя и «должен» применить санкцию, но, так как понятие должностования для ученого не совпадает с понятием правовой обязанности, «может быть, а может и не быть юридически обязан это сделать». Кроме того, полагает диссертант, из кельзеновского решения проблемы бесконечного регресса санкций следует невольное подтверждение тезиса его оппонента К. Шмитта о том, что правопорядок всегда покоится не на безличной норме, но на «решении», в том числе на решении применить или не применить санкцию, и выбор соответствующего решения оказывается не предопределенным всецело нормами права.

Упоминание аргумента Л. И. Петражицкого в работе Г. Кельзена ввело его в широкий научный оборот, в частности, привлекло внимание Г. Харта, который также рассматривает аргумент ученого о бесконечной серии санкций в качестве «корректного». Вместе с тем он полагает, что, прежде чем отвергнуть теорию, подобную теории Дж. Остина, как логически абсурдную, необходимо попытаться сформулировать требование того, чтобы каждое правило было снабжено санкцией за его нарушение, в форме, которая не влечет бесконечного регресса, и видит решение проблемы бесконечного регресса санкций в допущении частично самореферентных норм. В диссертации отмечается, что обсуждаемая Г. Хартом и А. Россом проблема самореферентных правил также ставилась Л. И. Петражицким. Вместе с тем для ответа на вопрос об основаниях легитимности конституционных законов и законодательства в целом ученый считает необходимым принять во внимание тот несомненный, по его мнению, факт, что подчас юридически действительные законы не получают никакого социального действия. С учетом данного обстоятельства он полагает, что следует отказаться от придания решающего значения формальным критериям юридической действительности закона и перенести центр тяжести учения о «законном праве» в область изучения его социопсихического действия в системе культуры.

В § 3 – *«Конституированный характер правовой реальности: нормативно-ценностные и социокультурные основания правопорядка в интерпретации Л. И. Петражицкого»*, обращаясь к анализу понятия самодовлеющей, или нормативной, мотивации, диссертант делает вывод о том, что она может быть рассмотрена в качестве нормативно-ценностного основания «обязывающей силы» права, которой, как полагал ученый, обладает само эмоциональное переживание субъектом самодовлеющей ценности типа должного поведения (акционного представления, сопровождающего правовую эмоцию); нормативный смысл правового переживания выражается в том, что оно мотивирует субъекта к реализации должного в поведении, которое тем самым предстает ценностно обусловленным. Таким образом, само сознание правовой обязанности есть необходимый и достаточный мотив ее исполнения безотносительно к возможным неблагоприятным последствиям ее неисполнения, представления которых наряду с представлениями выгод ученый рассматривает в качестве вспомогательной мотивации и ограничивает ее от основной – нормативной, «специфически-правовой».

Диссертант отмечает, что настойчивость Л. И. Петражицкого в обосновании тезиса о том, что нормы права представляют собой лишь эмоциональные фантазмы, заслонила от исследователей второй смысл понятия правовой нормы, присутствующий в теории права ученого. Норма права рассматривается им как содержание нормативного суждения, интерпретируемого им в качестве эмоционального акта, диспозицию которого он называет «нормативным убеждением». Специфической особенностью нормативных суждений является то, что они, *во-первых*, отвергают или одобряют определенный тип поведения «не как средство для известной цели, а само по себе», *во-вторых*, мотивационно обуславливают поведение субъекта. Таким образом, под термином «правовая эмоция» скрывается понятие правовой нормы, – не как эмоциональной проекции, но как «реального» психического явления – актуального переживания ценности должного, мотивирующего к его реализации в поведении.

По мнению диссертанта, интерпретация ученым нормативно-ценностных оснований «обязывающей силы» права не объясняет того, как возможен правопорядок или, иначе – как возможна корреляция индивидуальных императивно-атрибутивных эмоций, мотивирующих субъектов к *координированному* поведению? Вместе с тем Л. И. Петражицкий полагал, что такая корреляция является существенным и необходимым фактором социального порядка. Для ответа на поставленный вопрос диссертант полагает необходимым обратиться к понятию нормативных фактов, которые рассматриваются ученым как представляемые субъектом в качестве имевших место во времени и пространстве действия, высказывания и т. п. субъектов (законодателей, судей, религиозных авторитетов и др.), вызывающие в сознании индивида императивно-атрибутивные эмоции. Правовые переживания, содержащие представления нормативных фактов как *оснований обязательности*, образуют позитивное право. В связи с этим диссертант отмечает противоречие, присутствующее в теории Л. И. Петражицкого: *с одной стороны*, «обязывающая сила» права объясняется ученым исключительно свойствами самих правовых эмоций, *с другой стороны*, требуется представление нормативных фактов как внешних по отношению к сознанию субъекта явлений в качестве «оснований обязательности» позитивного права.

Диссертант делает вывод о том, что в теории ученого можно обнаружить предпосылки для преодоления данного противоречия, если принять во внимание ту *социокультурную* перспективу эволюции права «в сторону общего блага», которая являлась мировоззренческим фундаментом его правовой теории. Далеко не все факты могут являться *общезначимым* основанием субъективных прав и правовых обязанностей, а следовательно, как не создающие «социальную координацию поведения», не могут служить этическому прогрессу. Ученый, таким образом, исходил из презумпции об осуществляемом в процессе социопсихического приспособления социальном отборе фактов, могущих быть интерпретированными как имеющие нормативный смысл. Его анализ различных видов позитивного права всегда содержит оценку их сравнительной ценности с точки зрения их содействия прогрессу этической культуры. Следует также принять во внимание то притязание на общезначимость оснований субъективных прав и правовых обязанностей, которое, с точки зрения ученого, составляет существенную особенность правовых эмоций и которое он называл унификационной тенденцией, свойственной правовой психике в связи с процессами социокультурного приспособления и состоящей в «выработке и *признании* единого шаблона общих норм». Способность нормативного факта вызывать правовые эмоции определяется, таким образом, легитимацией социального факта в качестве нормативного.

Легитимированный нормативный факт выступает в качестве общезначимого источника тех моделей поведения, представления которых в сознании субъекта «сами по себе» вызывают импульсы к их осуществлению вследствие усмотрения в них ценности. При этом ценность представляемой модели поведения, мотивирующая к ее осуществлению, переживается субъектом в неразрывном единстве с ценностью установившего ее нормативного факта – «веления» законодателя, решения судьи и т. д., которые в конкретной правовой культуре образуют определяемую их различным ценностным значением иерархию как *conditio sine qua non* правопорядка. Очевидно, что за пределами социокультурного контекста, контекста правопорядка ценность той или иной модели поведения и нормативного факта принципиально не определимы, если только не мыслить их в метафизических категориях естественного права. Иначе говоря, модель поведения, которая в качестве содержания акционного представления переживается в качестве самодовлеющей ценности, безусловно мотивирующей субъекта к определенному поведению, не является анонимной, не существует в отрыве от источника ее установления – социально легитимированного нормативного факта, включенного в общую иерархию таких фактов. Вывод диссертанта состоит в том, что Л. И. Петражицкий, вопреки субъективистским предпосылкам своей теории, исходит из презумпции существования легитимного правопорядка, в «границах» которого только и возможна общность понимания смысла нормативных фактов и конституируемых на их основе взаимных субъективных прав и правовых обязанностей (см. *положение 12*).

В диссертации представлен сравнительный анализ концепции нормативности Л. И. Петражицкого и теории современного итальянского правоведа Э. Паттаро (см. *положение 13*), позволяющий сделать вывод о том сформировавшееся под влиянием аналитической феноменологии Э. Гуссерля представление Л. И. Петражицкого о конструктивной активности сознания позволило ученому воздержаться от веры в «объективную» реальность права как исчерпывающую его онтологический статус и интерпретировать ее как имеющую конституированный характер.

Глава 6 – «Процессы социокультурной эволюции права в интерпретации Л. И. Петражицкого» – посвящена исследованию вопросов, которые, согласно замыслу ученого, должны входить в предмет социологии права. Вместе с тем их раскрытие невозможно без реконструкции понятия социальной реальности, из которого исходил ученый. В § 1 – **«Реификация и дегуманизация социальной реальности в классическом социальном знании: критический анализ Л. И. Петражицкого»** – рассматривается критический анализ ученым современных ему трактовок социальной реальности. Л. И. Петражицкий, обозначая критическое отношение к трем школам классической социологии – органической социологии, социал-дарвинизму и марксистской социологии, избирает главным предметом своего критического анализа органическую школу, представители которой довершили инициированный О. Контом и Г. Спенсером процесс «овеществления» социальной реальности, определяя человеческое общество как «реальное существо» или «социальное тело», доступное изучению при помощи эмпирических методов. В диссертации отмечается, что данный комплекс идей позитивистской социологии идентифицируется как *«социологический реализм»* – тип социологических представлений, в рамках которого в качестве «носителей» социальной реальности рассматриваются *над-* или *сверхиндивидуальные* целостности, несводимые к взаимодействиям отдельных индивидов.

Реконструкция основных аспектов критики Л. И. Петражицким социологических концепций, которые можно обобщенно охарактеризовать как реалистические, позволила сформулировать несколько выводов, в частности: 1) фиксируя влияние естественнонаучной методологии на современное ему социальное знание, ученый акцентирует внимание на ошибочности интерпретации социальной реальности как находящейся в пространстве «внешнего» мира некоторой «сущности», мыслимой по аналогии с «личностью», «организмом» или «вещью»; 2) главным основанием его критического отношения к реалистическим концепциям в социологии являлась осуществленные ими реификация и дегуманизация социального мира, выразившиеся в теоретическом игнорировании непосредственных «агентов» социального действия – их мотивов, целей и ценностей. Не отождествляя собственную социологическую позицию ни с одной из концепций классической социологии, ученый предчувствовал тенденцию радикального изменения образа социального мира, каким он сформировался в классической социальной науке, и в известной степени стал выразителем данной тенденции, состоявшей, по мнению Г. Д. Гурвича, в осознании пределов причинно-следственного объяснения в социологии и концентрации внимания на *интерпретации смысла* социальных явлений.

В § 2 – **«Учение Л. И. Петражицкого о мотивах поведения: проясняющий контекст “понимающей социологии” М. Вебера и феноменологической социологии А. Шюца»** – диссертант, отмечая несколько аспектов концептуальной близости идей М. Вебера и Л. И. Петражицкого (разделявшиеся ими тезис свободы от оценочных суждений в социальных науках, а также установка на разграничение социологического и юридического анализа и др.), полагает возможным сделать вывод об общем подходе ученых к интерпретации социальной реальности: и М. Вебер, и Л. И. Петражицкий исходили из того, что исходной единицей социологического анализа не может являться какая-либо реалистически интерпретируемая социальная тотальность. Их позиция, полагает диссертант, соответствует социологическому концептуализму, так как «социальные реальности» рассматриваются учеными как существующие в сознании представления, на которые субъекты ориентируют свое поведение. Для М. Вебера предметом социологического исследования являлось введенное им в научный оборот поня-

тие мотивационно обусловленного социального действия как сознательно ориентированного на поведение других людей; для Л. И. Петражицкого предмет социологии права – это эволюционные процессы правовой мотивации и обусловленное ими координированное поведение, т. е. соотнесенное поведение управомоченных и правообязанных субъектов. Диссертант подчеркивает, что установка ученого на исследование мотивов правового поведения может быть представлена как преследующая цель интерпретации *смысла* такого мотивационно обусловленного поведения, точно так же, как и для М. Вебера задача социологии как науки о поведении заключается в интерпретирующем понимании осмысленно ориентированных, мотивированных действий. Сопоставление теории мотивации Л. И. Петражицкого с методологическими принципами социологического исследования М. Вебера позволяет сделать вывод о том, что изучение мотивов поведения отнюдь не свидетельствует о психологическом характере такого исследования, но является необходимой составной частью социологического метода. Признавая мотивационную обусловленность существенным признаком социального поведения, оба ученых обращаются к анализу типов мотивации, сравнение которых позволило диссертанту сделать вывод о том, что выделяемые Л. И. Петражицким типы мотивации – *телеологическая* и *самодовлеющая* – соотносятся с *целерациональным* (в основе которой лежит ожидание определенного поведения других людей и использование этого ожидания в качестве средств для достижения рационально поставленной цели) и *ценностно-рациональным* (основанным на вере в безусловную самодовлеющую ценность определенного поведения) типами мотивации в социологии М. Вебера.

В диссертации также демонстрируется возможность интерпретации учения Л. И. Петражицкого о мотивах социального поведения в контексте феноменологической социологии А. Шюца, который рассматривал *социальные отношения* как данную в «*персоналистической* интерпретации» «интерсубъективную связь мотивов» («мотивационное взаимодействие»), а саму мотивацию – как «основной закон духовной жизни», позволяющий рассматривать «духовное Я Другого» как «подчиненное законам мотивации». Выделяемые Л. И. Петражицким *телеологическая* и *объектная* мотивации соотносятся с выделяемыми А. Шюцем «*для-того-чтобы*» и «*потому-что*» мотивами как типичными «комплексами *смыслов*» поведения. Социальный мир в интерпретации А. Шюца предстает, таким образом, как мир интерсубъективно значимых типичных мотивов – смыслов поведения; точно так же порядок в теории Л. И. Петражицкого может быть интерпретирован как конституируемый на основе общности понимания смысла субъективных прав и правовых обязанностей как типичных мотивов поведения людей, типизированных в качестве субъектов прав и обязанностей.

Рассматриваемые в § 3 *тенденции социокультурной эволюции права* интерпретируются Л. И. Петражицким как эволюционные изменения в процессах мотивации поведения. Идеей, вдохновившей философско-правовой замысел ученого, являлось представление о праве как о психосоциокультурном явлении, существование которого является выражением недостаточного социопсихического приспособления человека и которое вместе с тем представляет собой наиболее эффективный, по сравнению с иными мотивационными системами, «инструмент» такого приспособления. Таким образом, *главной тенденцией* социокультурной эволюции права является его постепенное исчезновение из «набора» мотивационных процессов, определяющих социальное поведение. В диссертации анализируются различия между пониманием ученым тенденций социокультурной эволюции права и трактовкой «закономерностей» социального развития в классической социальной теории, а также выявленные им тенденции в развитии частного и публичного права (см. *положение 16*).

В § 4 – «*Социальная революция как фактор в социокультурной эволюции права*» – рассматривается социолого-правовой анализ Л. И. Петражицким проблемы социальной революции. Диссертант приходит к выводу о том, что в петербургский период ученый теоретически обосновывал неизбежность революции имманентными свойствами интуитивного права, отождествляемого им со справедливостью. Л. И. Петражицкий рассматривает справедливость исключительно как правовое явление, а

именно как особый вид правовых эмоций – *автономное* императивно-атрибутивное переживание, противопоставляемое ученым позитивному праву как *гетерономной* правовой эмоции, вызываемой в психике субъекта различными нормативными фактами. Общность социокультурных условий формирования и развития интуитивно-правовой психики индивидов в рамках социальных групп обуславливает существование коллективного интуитивного права («современного культурного общества», «социального класса» и т. п.). Именно в интуитивно-правовой психике происходят процессы легитимации существующего «правового строя», поэтому соответствие позитивного права коллективному интуитивно-правовому сознанию Л. И. Петражицкий рассматривает в качестве необходимого основания правопорядка, тенденцией развития которого является, по его мнению, постепенное расширение сферы действия интуитивного права. Социальная революция возникает вследствие несоответствия позитивного права интуитивно-правовым требованиям справедливости. Отмечая в качестве имманентного свойства интуитивного права стремление к обновлению права позитивного, ученый, по мнению диссертанта, интерпретирует революцию как закономерное явление в социокультурной эволюции права.

Диссертант полагает, что в терминах теории Л. И. Петражицкого конфликт между интуитивным и позитивным правом, каждое из которых является индивидуальным психическим переживанием, в принципе не возможен. Конструкция конфликта между двумя видами права имеет смысл только при предположении, что лежащий в основании позитивного права как гетерономной правовой эмоции нормативный факт интерпретируется в качестве *общезначимого* – в границах конкретного правопорядка – основания субъективных прав и правовых обязанностей, а вследствие его несоответствия коллективным интуитивно-правовым ожиданиям он перестает интерпретироваться как имеющий нормативный смысл, что и обуславливает ситуацию соответствующего конфликта. В варшавский период ученый связывает генезис революции уже не с сущностными особенностями интуитивного права, но с этической деградацией политической элиты, утратившей понимание своего «социально-служебного» смысла – конститутивного признака публичной власти, и рассматривает революцию как явление, прерывающее эволюцию права и обуславливающее деградацию правового сознания.

В § 5 – «*Эволюция государства как специфического правопорядка организованной социальной группы*» – рассматриваются процессы эволюции государства, формирующегося, в представлении ученого, на определенном этапе развития императивно-атрибутивного сознания. По его мнению, за государством-объектом, наделенным сознанием человека антропоморфными чертами, скрывается сложная комбинация эмоционально-интеллектуальных переживаний, мотивационно обуславливающих координированное массовое поведение, вследствие чего возникает «наивно-проекционное» представление о «теле» государства как надындивидуальной реальности. Полагая понятие государства избыточным, ученый не формулирует его определения; исходя из предложенной им классификации типов власти и социальных групп диссертант реконструирует понятие государства в интерпретации Л. И. Петражицкого, а также делает вывод о принципиальном сходстве в постановке и решении им проблемы дуализма государства и права с соответствующими размышлениями Г. Кельзена (см. *положение 17*). Из данного определения следует, что государственная власть, с точки зрения ученого, – это не «воля», опирающаяся на «силу», но вид права общей верховной социально-служебной власти, *differentia specifica* которой – переживание данного права членами неродственной социальной группы.

Идея Л. И. Петражицкого о достигаемом при помощи права этическом прогрессе в соединении с идеей социально-служебного смысла публичной власти стала мировоззренческим фундаментом социально-правовых идеалов его учеников. Однако если Л. И. Петражицкий рассматривал свой идеал деятельной любви как «сверхправовой», то для большинства его учеников социальным идеалом было глобальное *правовое* общество (см. *положение 19*).

В **Заключении** формулируются основные выводы диссертационного исследования.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях.

Монографии

1. Тимошина Е. В. Политико-правовая идеология русского пореформенного консерватизма: К. П. Победоносцев. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – 204 с. (12,8 п. л.).
2. Тимошина Е. В. Теория и политика права профессора Л. И. Петражицкого // Петражицкий Л. И. Теория и политика права. Избранные труды / сост., подготовка текста, вступ. статья, библиография, коммент., науч. ред. переводов Е. В. Тимошиной. СПб.: Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2010. С. XIV–XXXVI (2 п. л.).
3. Тимошина Е. В. Идея теоретико-правового «синтеза» в русской философии права: критический анализ логических оснований // Наука теории и истории государства и права в поисках новых методологических решений. Коллективная монография / отв. ред. А. А. Дорская. СПб.: Астерион, 2012. С. 346–379 (2 п. л., общий объем – 483 с.).
4. Тимошина Е. В. Как возможна теория права? Эпистемологические основания теории права в интерпретации Л. И. Петражицкого. М.: Юрлитинформ, 2012. – 296 с. (18,5 п. л.).

Статьи в российских научных журналах, входящих в перечень ВАК

5. Тимошина Е. В. Хилястические аспекты теократического идеала В. С. Соловьева // Правоведение. 1993. № 6. С. 66–74 (1,0 п. л.).
6. Тимошина Е. В. Онтологическое обоснование права в правовой теории К. П. Победоносцева // Правоведение. 1997. № 2. С. 99–106 (1,0 п. л.).
7. Тимошина Е. В. Теория государства и права на рубеже веков: проблемы и перспективы // Правоведение. 2000. № 3. С. 240–246 (0,6 п. л., в соавт. с Поляковым А. В.).
8. Тимошина Е. В. «Организмизм» как методологическая ориентация консервативной правовой философии // Право и политика. 2000. № 10. С. 14–23 (0,9 п. л.).
9. Тимошина Е. В. О книге Гарольда Бермана «Вера и закон: примирение права и религии» // Право и политика. 2001. № 5. С. 138–147 (1,0 п. л., в соавт. с Графским В. Г.).
10. Тимошина Е. В. Современные проблемы правопонимания: обсуждение монографии А. В. Полякова «Общая теория права: Курс лекций» (СПб., 2001) // Правоведение. 2002. № 4. С. 213–223 (0,9 п. л.).
11. Тимошина Е. В. Логические принципы организации теоретико-правового знания и классификации наук в философии права Л. И. Петражицкого // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008. СПб., 2009. С. 805–824 (1,7 п. л.).
12. Тимошина Е. В. Отзыв на диссертационное исследование Е. А. Прибытковой «Философия права В. С. Соловьева» // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008. СПб., 2009. С. 862–867 (0,4 п. л.).
13. Тимошина Е. В. Право как справедливость: концепция интуитивного права в школе Л. И. Петражицкого // Правоведение. 2010. № 6. С. 179–195 (1,5 п. л.).
14. Тимошина Е. В. Философия права Л. И. Петражицкого: генезис постклассического правопонимания в российском правоведении XX в. // Российский ежегодник теории права. № 2. 2009. СПб., 2011. С. 474–501 (2,2 п. л.).
15. Тимошина Е. В. Лев Петражицкий и современный правовой плюрализм // Российский ежегодник теории права. № 3. 2010. СПб., 2011. С. 825–841 (1,3 п. л., в соавт. с А. Д. Рудоквасом).
16. Тимошина Е. В. Норма права и нормативный факт: основание обязательности норм в философии права Л. И. Петражицкого // Конфликтология. 2011. № 4. С. 91–99 (0,6 п. л.).
17. Тимошина Е. В. Концепция нормативности Л. И. Петражицкого и проблема действительности права в юридическом позитивизме XX в. // Правоведение. 2011. № 5. С. 46–71 (2,2 п. л.).
18. Тимошина Е. В. Как возможна социология права: Л. И. Петражицкий, П. А. Сорокин и К. Оливекрона // Российский ежегодник теории права. № 4. 2011. СПб., 2012. С. 346–356 (0,8 п. л., в

соавт. с А. А. Краевским).

19. Тимошина Е. В. Проблема самореференции в праве: к истории дискуссии // Правоведение. 2012. № 3. С. 35–43 (0,6 п. л., в соавт. с А. А. Краевским).

Статьи в зарубежных научных журналах

20. *Timoshina E.* The Theory of Public Legal Relationships: Perspectives for Avoiding Civil Law Dogma // Review of Central and East European Law. 2012. Vol. 37. № 1. P. 125–145 (1 п. л., в соавт.).

21. *Timoshina E.* Styles of Thinking in Legal Philosophy and Types of Legal Understanding // Law of Ukraine. 2011. № 11-12. P. 38–46 (0,75 п. л.).

Учебники и учебные пособия

22. *Тимошина Е. В.* Культурология // Обществознание: Учебное пособие для поступающих в юридические вузы / Под ред. Н. И. Мацнева. СПб.: С.-Петербургский государственный университет, 2000; 2-е изд., стереотип., СПб.: Изд-во «Лань», 2001. С. 67–83 (1,1 п. л.).

23. *Тимошина Е. В.* Культура и цивилизация // Обществознание: Учебный курс для поступающих в вузы / под ред. Д. И. Луковской, Е. Б. Хохлова. 5-е изд., перераб. и доп. СПб.: С.-Петербургский гос. ун-т, 2004; 6-е изд. перераб. и доп. 2006; 7-е изд. перераб. и доп. 2009. С. 74–93. (1,1 п. л.).

24. *Тимошина Е. В.* Познание // Там же. С. 9–26. (1,0 п. л.).

25. *Тимошина Е. В.* Право: основные понятия // Там же. С. 174–225. (2,9 п. л., в соавт. с Поляковым А. В.).

26. *Тимошина Е. В.* Общая теория права. Учебник. Рекомендован Ученым советом СПбГУ в качестве учебника для студентов юридических вузов и факультетов. СПб.: Издательский дом СПбГУ, Изд-во юридического факультета СПбГУ, 2005. – 472 с. (25,0 / 8,0 п. л., в соавт. с Поляковым А. В.).

27. История государственно-правовых учений. Учебник / отв. ред. В. В. Лазарев. Рекомендован для студентов юридических вузов. М.: Спарк, 2006. 672 с. (42,0 / 0,4 п. л., в соавт.); 2-е изд., испр. и доп.: История политических и правовых учений. Учебник / отв. ред. В. В. Лазарев. Рекомендован для студентов юридических вузов. М.: Высшее образование, 2008 (48,1 / 0,4 п. л., в соавт.).

28. *Тимошина Е. В.* Право: основные понятия // Обществознание. Учебное пособие / под ред. М. В. Пашкова. СПб.: Изд-во С.-Петербургского гос. ун-та, 2007. С. 556–562 (0,4 п. л.).

29. *Тимошина Е. В.* История политических и правовых учений. Учебник. Рекомендован Ученым советом СПбГУ в качестве учебника для студентов юридических вузов и факультетов. СПб.: Издательский дом СПбГУ, Изд-во юридического факультета СПбГУ, 2007. – 856 с. (46,0 / 13 п. л., в соавт. с Козлихиным И. Ю., Поляковым А. В.).

Статьи в сборниках научных трудов и полные тексты докладов на конференциях

30. *Тимошина Е. В.* Выступление на расширенном заседании кафедры теории и истории государства и права СПбГУ, посвященном обсуждению монографии А. В. Полякова «Общая теория права: Курс лекций» (СПб., 2001) // Коммуникативная теория права. Вопросы теории. СПб.: Изд-во «Питер», 2003. С. 37–43 (0,4 п. л.).

31. *Тимошина Е. В.* Антрополого-онтологическое обоснование прав человека в психологической теории права Л. И. Петражицкого: методологический аспект // Права человека. Вопросы истории и теории. Материалы межвузовской научно-теоретической конференции (С.-Петербург, 24 апреля 2004 г.) / под общ. ред. Д. И. Луковской. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2004. С. 60–73 (0,8 п. л., в соавт. с Ерошкиной М. А.).

32. *Тимошина Е. В.* Консервативная философия права: основные методологические ориентации // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от

истоков к современности). Сб. науч. ст. Вып. 2 / отв. ред. Ю. Н. Солонин, Н. В. Полякова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 260–275 (1,0 п. л.).

33. Тимошина Е. В. Право и общество в эпохи культурных кризисов // Право и общество в эпоху перемен. Материалы философско-правовых чтений памяти акад. В. С. Нерсисянца (Москва, 2 октября 2007 г.) / отв. ред. В. Г. Графский. М.: ИП РАН, 2008. С. 255–258 (0,3 п. л.).

34. Тимошина Е. В. Права человека и нравственная ответственность личности в свете христианской антропологии // Философия права в России: история и современность. Материалы третьих философско-правовых чтений памяти акад. В. С. Нерсисянца (Москва, 2 октября 2008 г.) / отв. ред. В. Г. Графский. М., 2009. С. 154–172 (1,3 п. л.).

35. Тимошина Е. В. Государство как «право социального служения»: к вопросу о соотношении государства и права в философии права Л. И. Петражицкого // Государство: многомерность восприятия. К 80-летию проф. Л. С. Мамута / отв. ред. Л. Е. Лаптева. М.: NOTA BENE, 2009. С. 177–185 (0,5 п. л.).

36. Тимошина Е. В. Критерии «синтетической» правовой теории в философско-правовом дискурсе Л. И. Петражицкого // Современная юридическая наука и ее проблематизация: Труды международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 28 марта 2009 г. / под общ. ред. С. В. Волковой, Н. И. Малышевой. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2010. С. 157–167 (0,6 п. л.).

37. Тимошина Е. В. Идея справедливости в дискурсе петербургской школы философии права // «Правда»: Дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории / под ред. Н. С. Плотникова М.: Изд-во «Ключ-С», 2010. С. 215–239 (1,3 п. л.).

38. Тимошина Е. В. Субъект права в философско-правовом дискурсе Л. И. Петражицкого // Проблема правосубъектности: современные интерпретации. Материалы международной научно-практической конференции (Самара, 25 февраля 2011 г.). Вып. 9 / отв. ред. Т.Б. Замотаева, В.И. Толмосов, С.Н. Касаткин. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2011. С. 9–15 (0,4 п. л.).

39. Тимошина Е. В. Методологические основания классического и постклассического правоведения // Современное правоведение: поиск методологических оснований. Сб. науч. тр. / под ред. М. В. Немытиной. М.: Российский университет дружбы народов, 2011. С. 38–47 (0,5 п. л.).

40. Тимошина Е. В. «Социально-служебный» смысл государства: закономерности эволюции государства в дискурсе психологической школы права // Нравственное государство как императив государственной эволюции. Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, ООН РАН, ИП РАН, ИНИОН РАН, Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН, 27 мая 2011 г.). М.: Научный эксперт, 2011. С. 586–601 (0,9 п. л.).

41. Тимошина Е. В. Стандарты научности в теории права: классическая и неклассическая парадигмы в социогуманитарном знании // Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права. Материалы пятых и шестых философско-правовых чтений памяти акад. В. С. Нерсисянца / отв. ред. В. Г. Графский. М.: Норма, 2011. С. 28–50 (1,3 п. л.).

42. Тимошина Е. В. Право и культура: социальные идеалы петербургской школы философии права // Правовые культуры. Жидковские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 25 марта 2011 г. / под ред. М. В. Немытиной. М.: РУДН, 2012. С. 184–191 (0,5 п. л.).

43. Тимошина Е. В. «Устранить суверена»: полемика Г. Ф. Шершеневича с Л. И. Петражицким // Юридический позитивизм и конкуренция теорий права: история и современность (к 100-летию со дня смерти Г. Ф. Шершеневича). Материалы VI ежегодной Международной научно-практической конференции. Иваново, 5–8 октября 2012 г. В 3 ч. / отв. ред. О. В. Кузьмина, Е. Л. Поцелуев. Иваново: Ивановский государственный университет, 2012. Ч. 1. С. 31–46 (1,0 п. л.).

44. Тимошина Е. В. Некоторые итоги и перспективы дискуссии об интегральном правопонимании // Энциклопедия права или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания. Материалы седьмых философско-правовых чтений памяти акад. В. С. Нерсисянца / отв. ред.

В. Г. Графский. М.: Норма, 2013. С. 75–87 (0,9 п. л.).

Тезисы докладов на российских и зарубежных конференциях

45. Тимошина Е. В. Опыт реконструкции консервативной правовой теории // Философия права как учебная и научная дисциплина. Материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-н/Д., 28–29 апреля 1999 г.) / отв. ред. П. П. Баранов, В. Ю. Верещагин. Ростов-н/Д.: Ростовский юридический институт МВД России, 1999. С. 99–101 (0,2 п. л.).

46. Тимошина Е. В. Консерватизм как правовая идеология // Государство и право на рубеже веков. Проблемы теории и истории. Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 2–4 февраля 2000 г.) / отв. ред. В. С. Нерсесянц. М.: ИГП РАН, 2001. С. 166–170 (0,25 п. л.).

47. Тимошина Е. В. Ценностные основания классических типов правовой рациональности и проблема интегральной юриспруденции // Право как ценность. Многообразие исторических форм и перспективы развития. Материалы Всероссийской научной конференции (Сочи, 20–22 ноября 2004 г.) / отв. ред. В.В. Момотов. Краснодар: КубГУ, 2004. С. 73–78 (0,25 п. л.).

48. Тимошина Е. В. Юснатурализм и правовой этатизм как классические типы правовой рациональности // Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве. Материалы всероссийского методологического семинара (С.-Петербург, 28–30 июня 2004 г.) / под общ. ред. В. П. Сальникова, Р. А. Ромашова. СПб.: СПбУ МВД России, 2004. С. 34–38 (0,25 п. л.).

49. Тимошина Е. В. Мировоззренческие аспекты методологии юснатурализма и юридического позитивизма // Нравственные основы теории государства и права. Материалы международной научной конференции (Москва, 3 февраля 2005 г.) / отв. ред. О.В. Мартышин. М.: МГЮА, 2005. С. 273–276 (0,25 п. л.).

50. Timoshina E. Saint Petersburg School of Legal Philosophy: On Influence of Petrażycki's Research in Logic upon the Social Theory of Sorokin // Global Harmony and Rule of Law. 24th World Congress of the International Association for Philosophy of Law and Social Philosophy (September 15–20, 2009, Beijing, China). Abstracts. Special Workshops and Working Groups (II). Beijing, 2009. P. 371–374 (0,2 п. л.).

51. Timoshina E. Zur Idee der Gerechtigkeit im Diskurs der Sankt-Petersburger Schule der Rechtsphilosophie // «Pravda-Spravedlivost». Zum Diskurs der Gerechtigkeit in der Russischen Philosophie und Ideengeschichte. Internationale Tagung der Forschungsstelle «Russische Philosophie und Ideengeschichte» (Bochum, 28–31 Oktober, 2009). Ruhr-Universität Bochum, 2009. S. 37–38 (0,2 п. л.).

52. Тимошина Е. В. «Социально-служебный» смысл государства: Л. И. Петражицкий о закономерности эволюции правовой психики // Гражданское общество и правовое государство как факторы модернизации российской правовой системы. Материалы международной научно-теоретической конференции (С.-Петербург, 11–12 декабря 2009 г.) / под общ. ред. Н. С. Нижник. В 2 ч. Ч. 1. СПб.: Астерион, 2009. С. 111–115 (0,3 п. л.).

53. Timoshina E. L. Petrażycki a ideały społeczne petersburskiej szkoły filozofii prawa // Leo Petrażycki and the Contemporary Legal Pluralism. Conference at the Faculty of Law and Administration, University of Warsaw (March 4, 2011). Warszawa, 2011. S. 102–106 (0,2 п. л.).

54. Тимошина Е. В. Норма права и нормативный факт: основание обязательности норм в философии права Л. Петражицкого // Материалы Международного симпозиума «Нормы и нормативные системы в философии, праве и информатике». Философский факультет СПбГУ, 9–10 сентября 2011 г. СПб.: Философский факультет СПбГУ, 2011. С. 44–45 (0,2 п. л.).

55. Тимошина Е. В. Дискредитация суверена: к проблеме обоснования международного права в юридическом позитивизме // 210 лет МВД России: история и современность. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 21 сентября 2012 г. В 4 ч. Ч. 2 / под общ. ред. Н. С. Нижник. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2013. С. 35–38 (0,25 п. л.).